ОГОНЬ
ПОСРЕДИНЕ ЗИМЫ

ОЛЬГА РОМАНОВСКАЯ

Ольга Романовская

Огонь посредине зимы

«Ольга Романовская»

2023

Романовская О. В.

Огонь посредине зимы / О. В. Романовская — «Ольга Романовская», 2023

Аристократ и падчерица трактирщика. Ледяной маг и огненная ведьма. Он обласкан властью, она скрывает свой дар. Ей предстояло выйти за корыстного отчима, ему - составить блестящую партию в свете, но зима и обледенелый тротуар решили иначе. Сможет ли ведьма сохранить свою тайну? Станет ли маг жертвой иноземной темной колдуньи? И, самое главное, сумеют ли они, такие разные, полюбить друг друга?

© Романовская О. В., 2023
© Ольга Романовская, 2023

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 26
Глава 5 33
Глава 6 40
Глава 7 46
Глава 8 53
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Ольга Романовская
Огонь посредине зимы

Глава 1

За годы, проведенные Рудольфом вдали от родового гнезда, Сайратин ничуть не изменился, все так же будто парил в воздухе наверху гигантской лестницы из застывших ледяных глыб. Особенно эффектно он смотрелся на восходе и закате, когда кристаллы льда превращались то в расплавленное золото, то в реку бушующего пламени. Но сейчас замок тонул в дымке тумана. Плотные ватные хлопья полностью скрывали подъездную аллею, по которой Рудольф медленно поднимался – не из-за страха упасть, а из-за нежелания вновь ступать под белоснежные своды.

На вершине туман рассеялся, и Сайратин предстал во всем блеске своего великолепия. Как разительно он отличался от ставших привычными человеческих замков! Ни сада, ни парка, ни ограды, один только камень и бесконечный лед.

Магия хранила исвердов долгие века. Для своих лед под ногами становился мягкой землей, для чужих – огромным катком. Тут уж все зависит от твоих умений и доброй воли владельца замка. Захочет – впустит, захочет – вморозит в скалы.

Вдохнув полной грудью позабытый студеный воздух, Рудольф некоторое время задумчиво вглядывался в громаду из песчаника над своей головой и лишь затем потянулся к дверному молотку. Его лошадь устала, да и он сам нуждался в отдыхе – Рудольф провел без сна почти трое суток. Но все равно приехал слишком поздно…

Тень набежала на его лицо.

Возможно, если бы почта в человеческих королевствах была организована так же, как в Авердене, он успел бы к постели умирающего отца. Но ничего не изменить, отныне он, Рудольф Алистер ард Лерган, стал пятым графом фон Алексаи.

Двери распахнулись прежде, чем пальцы Рудольфа сжали молоток. Ну, конечно, его ждали, наверняка все эти три дня высматривали из окна.

И все же отец умер вовремя. Рудольфа уже тошнило от переездов, бесконечных новых лиц, шифрованных депеш и ледяных птиц, оживленных его капелькой крови. Король наверняка оставит его в Авердене, не станет рисковать жизнью наследника древнего рода.

– Давненько вас не было, палаэр[1] Рудольф! – широко улыбнулся дворецкий Рафус, один из немногих живых людей среди замковой прислуги.

За его спиной маячили двое спиров с бледной кожей и выцветшими глазами. Сотворенные ледяной магией, они легко заменяли друг друга. Им даже имен не давали. Правда, был у спиров один недостаток – они не могли долго выносить жар пламени, поэтому на кухне орудовали люди из плоти и крови. Зато обычные солнечные лучи не причиняли им вреда.

– Мать дома?

Рудольф на ходу стянул плащ с меховым подбоем и сунул в руки ближайшему спиру. На краткий миг на него пахнуло холодом – позабытое после жизни среди обычных людей чувство. Ничего, Рудольф скоро привыкнет, вспомнит.

– Да, ее сиятельство ждала вас.

[1] Палаэр (к женщине – палаэри) – вежливое обращение к чистокровным исвердам. К полукровкам принято обращаться исл или исла, а к людям, полностью лишенным магии льда, – господин и госпожа.

Рафус по пятам следовал за юным господином. «Как же он постарел!» – промелькнуло в голове Рудольфа. За каких-то пять лет волосы поседели, лицо сморщилось, однако движения оставались по-прежнему быстрыми, ловкими. И все же скоро придется искать ему замену.

И без того минорное настроение Рудольфа окончательно рухнуло в ледяные бездны. Он не желал ничего менять, расставаться с верным Рафусом.

«Потом, не сейчас!» – отогнал от себя Рудольф тревожные мысли.

– Ты опоздал.

Полный осуждения голос эхом отразился под сводами огромного холла. В свое время он пугал маленького Рудольфа, напоминал склеп. Что ж, теперь усыпальница обзавелась достойным постояльцем – его матерью.

Запрокинув голову, Рудольф посмотрел на величественно замершую на площадке второго этажа вдовствующую графиню. Облаченная в черное с ног до головы, с развевающейся за спиной черной же вуалью, в плотных перчатках, она напоминала саму смерть. Единственное яркое пятно – губы. Даже траур не заставил Луизу Александру изменить любимой помаде.

– Ты опоздал на два дня, – упрямо повторила вдовствующая графиня.

Она не собиралась спускаться, ждала, пока сын сам поднимется к ней.

– Ты была в лаборатории?

Рудольф указал на ее перчатки. Такие надевали при работе с ледяными глыбами.

– Да, кучер повредил ногу, пришлось ее подправить. Но ты не ответил на мой вопрос.

– Разве ты что-то спросила? – пожал плечами Рудольф.

– Ты просто не пожелал услышать. Как всегда!

Впервые за время их разговора Луиза пошевелилась – поправила вуаль.

Мимо прошмыгнули два спира. Они споро тащили вниз большой сундук. Следом личная камеристка Луизы, столь же важная и несгибаемая, как хозяйка, пронесла шкатулку с драгоценностями.

– Ты уезжаешь? – поднял брови Рудольф.

Отца похоронили только вчера, а мать уже торопится в дорогу.

– Да. – Показалось, или по ее лицу пробежала тень тревоги? – Мой ревматизм не выдерживает этого холода.

Рудольф едва заметно покачал головой. Если бы он вернулся на час-другой позже, и вовсе не застал матери. Хотя общаться с ней посредством зеркала куда приятнее, нежели в живую.

И все же Рудольф хотел выяснить причину смерти отца. Он скончался внезапно, скоропостижно. Пусть родители давно жили порознь, мать обязана знать, от чего.

Официально Луиза перебралась в южное имение по причине слабого здоровья, на самом деле – из-за измен покойного Фердинанда Августа. Он менял любовниц как перчатки, дошел до того, что сожительствовал с сотворенными им же ледяными девицами. Они не беременели, не требовали денег и легко исчезали из его жизни. Рудольф терялся в догадках, как отец поступал с надоевшими: разбивал, изымал из сердец свою кровь, или кто-то из спиров – так называли ледяных слуг исвердов – до сих пор прислуживал в замке. Вздор, мать не допустила бы последнего! Может, и сегодня она вовсе не лечила кучера, а избавилась от последней постельной игрушки мужа?

– Как тебе будет угодно, – почтительно склонил голову Рудольф и задал мучивший его всю дорогу вопрос: – От чего скончался отец? Сердечный приступ?

Иных причин он не видел. Чистокровные исверды благодаря врожденной магии льда жили долго и практически не болели.

– Переусердствовал. Или ты полагаешь, – грозно сверкнула глазами Луиза, – будто я его отравила?

Рафус благоразумно ретировался на кухню. Там можно и грозу переждать, и погреться у очага. Всем хороша служба у высокородных исвердов, только слишком в их замках холодно!

Зато платили столько, что можно было не только не беспокоиться о старости, но и детей обеспечить. Правда, ими Хозяйка луны Рафуса обделила. В юности не нашлось девушки, которая привлекла бы его взор, а потом вокруг остались одни ледяные, с ними семью не создашь. Ничего, вот уйдет на покой обзаведется молоденькой госпожой. Среди людей бедных много, а он как-никак полукровка, вдобавок с состоянием.

Убедившись, что дворецкий ушел, Рудольф дал волю эмоциям.

– Ты могла бы проявить хоть чуточку уважения к отцу!

Он сорвал с себя заткнутый под серый дорожный жюстокор[2] и шейный платок. Звякнула упавшая на пол булавка с рубином-капелькой крови – неизменный аксессуар любого чистокровного исверда. Пришлось наклониться и поднять.

– Спустись с демоновой лестницы и перестать изображать королеву! Я тебе не мальчик для битья, а пятый граф Алексаи, лендлорд Сорро, доверенное лицо короля. Не я, а ты обязана склониться передо мной в поклоне.

Слова хлестали мать по щекам, но она сама виновата, могла бы ненадолго забыть о надменности. Однако Луиза не была бы Луизой ард Лерган, если бы отреагировала как все прочие женщины.

– Наконец-то, сын мой! – Она радостно всплеснула руками. – Вот теперь я вижу, что ты больше не сопливый ребенок.

Юбки Луизы зашелестели по ступеням. Широко улыбаясь, она подошла к Рудольфу и заключила его в объятия. Губы лишь мазнули по коже – палаэри не опускалась до нежностей простолюдинов.

Рудольф не ответил на ее сердечный порыв. Ни один мускул его не дрогнул.

– Всегда знала, что ты пошел в нашу породу, в Брассов. Немногие и в сорок достигали таких высот. А ведь тебе двадцать!

– Мне двадцать пять, – раздраженно поправил Рудольф.

Опять старая песня! Его дед по материнской линии был маршалом, и Луиза при каждом удобном и неудобном случае об этом напоминала. Ее послушать, Лерганы – захудалый род, возвысившийся исключительно благодаря браку со второй дочерью Адониса фон Гонне!

– Я помню, милый.

Отстранившись, Луиза заглянула в голубые глаза сына, словно пыталась прочесть в них его будущее. Как же он возмужал! И как походил на отца, когда она увидела его оттуда, сверху, на мгновение испугалась, будто помолодевший Фердинанд пожаловал за ней из ледяных чертогов. Те же длинные искрящиеся стальные волосы, глаза-сапфиры, высокие скулы, острый подбородок. От своего деда-маршала Рудольфу достался лишь невысокий, исключительно по меркам Лерганов, рост, который, впрочем, компенсировало идеальное телосложение. Луиза не раз шутила, что с него не стыдно изваять самого Хозяина солнца, насколько пропорционален, удивительно ладен ее сын. Сама она считала себя блеклой мышью: светлые, практически белоснежные волосы, выцветшие ресницы, поэтому обожала алую помаду.

Усмешка исказила тонкие губы Рудольфа:

– Хоть в чем-то я оправдал твои ожидания! И все же вернемся к отцу. Могу я поговорить с мэтром Одушем?

Так звали их семейного врача.

– Нет. Он прибыл слишком поздно.

Лицо Рудольфа стало мрачнее тучи.

– Поздно? То есть Рафус не открыл ему портал?

Он не ожидал от верного дворецкого подобной подлости.

---

[2] Жюстоко́р – тип мужского кафтана. Характеризовался прилегающим по талии фасоном с узкой линией плеч и расширением к низу.

Серые глаза Луизы сверкнули сталью.

– Рафус здесь ни при чем.

Рудольф ожидал услышать продолжение, но оно не последовало. Лицо матери вновь стало непроницаемым.

– Я уже сказала, твоего отца сгубила невоздержанность. И оставим глупые разбирательства! Тебе надлежит думать о будущем. Поверенный прибудет к трем часам. Я дождусь его, а после сразу уеду.

– Отныне у тебя нет причины…

– Мое здоровье действительно нуждается в живительном тепле. К тому же, – загадочно добавила Луиза, – в Сайратине вскоре появится новая хозяйка.

Рудольф нахмурился:

– Ты вздумала меня женить?

– Тебе *пора* жениться. Принимая наследство, ты получаешь не только титул, но и обязательства. На свет должен появиться шестой граф фон Алексаи.

– И он появится. Со временем. А пока прости, мама, я хочу отдохнуть с дороги. Если ты забыла, мне пришлось провести много часов в седле и открыть два портала.

Луиза посторонилась, пропуская сына к лестнице. Ее широкие пролеты двумя «руками» обнимали холл, устремляясь вверх, к зеркальным сводам потолка. Благодаря им, а также словно парившей в воздухе огромной люстре, в холле было светло в любое время года.

– Вижу, ты стал последователем новой моды…

Рудольф мысленно застонал. Могла бы хотя бы сейчас оставить в покое покрой его одежды!

– Тебе не идет, – наморщила переносицу Луиза. – Выставлять напоказ свои ноги…

– А что не так с моими ногами?

Мысленно досчитав до десяти, Рудольф обернулся. Несмотря на все слова, мать по-прежнему считала его мальчишкой. Страшно представить, чего натерпелась от нее Евгения, его сестра! Кстати, где она? Рудольф повертел головой, но Евгении нигде не было видно. Странно, она непременно спустилась бы поздороваться. Или за время его вынужденного отсутствия мать успела тайно выдать ее замуж, и сразу после похорон Евгения отбыла к новой семье?

– Их видно.

Ну вот, опять эти поджатые губы, брезгливый взгляд, обращенный на его зауженные штаны…

– И?

Рудольф по-прежнему не понимал, в чем проблема. Там, где он жил последний год, так одевались все модники.

– Неужели ты хочешь, чтобы на них все глазели? Твой кафтан едва прикрывает бедра!

Так вот в чем дело – в морали.

– Хорошо, мама, – Рудольф сделал глубокий вдох, – я переоденусь по местной моде.

Аверден консервативен. Здравствуйте, унылые длинные сюртуки на мелких пуговицах, вышитые жилеты. Долой туфли с лентами и алыми каблуками – здесь такое дозволялось лишь дамам.

– Надеюсь. В этом ты похож на комедианта. Набрался у людей?

Рудольф мысленно закатил глаза. Как же мать презирала начисто лишенных магии! В представлении Луизы, они добывали пропитание в земле, чурались образования и хорошего вкуса.

– Я не стану обсуждать с тобой мою поездку. – Вот так, жестко поставить точку. – Евгения здесь?

– В часовне, молится за отца.

Еще одна странность – прежде за Евгенией не наблюдалось особой набожности.

Рудольф колебался: немного поспать или попытаться выяснить причину резких перемен? Уж не вознамерилась ли Евгения вступить в общину Сестер луны! Мать могла невольно внушить ей мысль о необходимости искупления грехов отца.

И с мэтром Одушем он переговорит. Положим, врач опоздал, но у любой смерти есть причина.

* * *

– Сюда, палаэр граф!

Бледная, как и все слуги, горничная перехватила его в коридоре, когда Рудольф по привычке свернул к своей комнате. Он и забыл, что ему перешли по наследству покои отца.

У горничной были практически бесцветные глаза, после человеческих красавиц она казалась Рудольфу покойницей. Созданная из магии, льда и крови, строением тела, голосом служанка ничем не отличалась от людей. «Отец даже любовью с такими занимался», – пристально наблюдая за тем, как суетится, взбивая перину горничная, подумал Рудольф. Его передернуло от одной мысли от близости с *этой*.

Спиры – нечто вроде живых механизмов, как можно испытывать к ним какие-то чувства, желать? Единственное их достоинство – безграничная преданность. Спир выполнит любой приказ своего создателя.

– Ванну, палаэр?

– Пожалуй.

От него наверняка разило потом – немудрено при той спешке, с которой он добирался сюда.

Вдвое спиров-мужчин принесли и наполнили ванну.

Рудольф в блаженстве погрузился в теплую воду и, прикрыв глаза, тяжело вздохнул. Как же он устал! И как ему сейчас не хватало Катарины, которая сделала бы ему массаж, унесла прочь тревогу. Бедняжка даже не догадывалась, что он обманывал ее.

– Надеюсь, это скоро закончится, – пробормотал он, вспомнив о том, чем занимался в последние пять лет.

Распахнул глаза и вздрогнул: перед ним с халатом и полотенцем в руках стояла прежняя спира. Не знай он, что ледяные слуги обделены полноценным разумом, решил, что она надумала его соблазнить.

Невозмутимая спира протянула ему ворсистое полотенце, подождала, пока он соберет с кожи влагу, и помогла облачиться в халат. Рудольф случайно коснулся ее ледяной кожи – блестящей, неестественно гладкой. Совсем не такой, какая была у его последней любовницы.

Интересно, что подумала Катарина, не обнаружив Рудольфа в своей постели? Опечалилась бы? Вряд ли. Катарина Любовецкая была призом, трофеем, который все пытались завоевать. А досталась она ему, Рудольфу, «вечному студенту», богатею и бонвивану, спускающему деньги на карты и женщин.

О, Катарина была хороша! Вздернутый носик, живые темные глаза… Одновременно застенчивая и искушенная, она манила мужчин – идеальная осведомительница!

– Разбуди меня к трем часам! – распорядился Рудольф.

Спира кивнула и неслышно удалилась.

Сон не шел. Отцовская кровать казалась неудобной, жесткой. Он ворочался с боку на бок, потом и вовсе уставился в потолок, на темные балки из мореного дуба. Да и как можно заснуть, если, возможно, именно здесь испустил дух отец! Умом Рудольф понимал, слуги давно прибрались, сменили белье, но сердцем… Или дело вовсе не в отце, а в том, что за пять лет он отвык от прохлады Сайратина. Сейчас разожжет камин…

– Что за запах?

Едва уловимый, сладковатый, он болью отзывался в висках.

Рудольф поискал глазами курительницу, но ничего не нашел. Пригрезилось на нервной почве? Или воспаленный бессонницей разум сыграл с ним злую шутку?

Он наклонился, чтобы подбросить в камин дров, и покачнулся от нахлынувшей удушливой волны.

– Задница Лая!

Чтобы не упасть, Рудольф ухватился за кресло. Спальня поплыла перед глазами: старинная кровать под малиновым пологом, мебель с ножками-лапами. Зеркало над камином отразило полубезумный взгляд.

Рудольф рывком, через силу, поднял себя на ноги и упал в кресло. Его прошиб холодный пот, тело колотило как лихорадке.

Противный запах ослаб, но все еще молоточками стучал в висках.

– Ни минуты здесь больше не останусь!

Дождавшись, пока мир перед глазами снова обретет четкость, Рудольф, пошатываясь, встал, нащупал колокольчик. Тот лежал на небольшом наборном столике возле камина.

– Подготовьте мою бывшую спальню. И хорошенько здесь проветрите!

Разумеется, Рудольф ничего не стал объяснять прислуге, зато к матери у него накопились вопросы. И задать их нужно сейчас, до отъезда. Потуже затянув пояс халата, Рудольф отправился прямиком в покои Луизы. На правах сына он мог явиться к ней в подобном виде, хотя мать наверняка не одобрит.

Дурнота прошла, стоило ему выйти из спальни, что наводило на невеселые мысли. Они приобрели совсем скверный оборот, когда Рудольф застал мать сидящей на корточках перед камином в гостиной. В нос ударил запах жженой бумаги.

– Что ты делаешь?

Луиза вздрогнула и обернулась. Из ее рук выпал конверт с черной печатью – такими пользовались в государственных и общественных учреждениях.

– Ты напугал меня!

Она тут же нацепила маску суровости и предала конверт огню.

Рядом с матерью, на полу, Рудольф заметил небольшую стопку бумаг. На верхней стояла печать Лерганов. Остальное, очевидно, Луиза успела сжечь.

– Что. Ты. Делаешь? – сложив руки на груди, сурово повторил Рудольф.

– Избавляюсь от ненужных бумаг.

– Позволь мне взглянуть.

Он шагнул к ней с протянутой рукой.

– Это личное.

Луиза быстрым движением швырнула всю стопку в огонь. Мгновенно вспыхнув, она затрещала, обратилась в пепел.

– Слишком много странностей, не находишь?

Рудольф с сожалением смотрел на поглотивший бумагу огонь. Теперь содержание писем не восстановишь.

– Я нахожу, – Луиза аккуратно поднялась на ноги и помешала пепел кочергой, – что человеку твоего происхождения не пристало разгуливать по дому в таком виде. Если не стесняешься меня, подумай о сестре. Она невинная девушка!

Выходит, Евгения до сих пор не замужем. Хорошо!

– И чем же мой халат угрожает ее невинности?

– Прекрати паясничать! Твой отец не позволял себе появляться в таком виде даже передо мной. Оденься, не заставляй свою сестру краснеть!

Рудольф поражался умению матери ловко менять тему разговора. Как хитро она ушла от ответа на неудобный вопрос, сделала его виноватым! И все же Рудольф не отстанет.

– Боюсь, Евгении здесь нет, поэтому тебе придется еще немного потерпеть, мама. И я по-прежнему желаю знать, почему ты сожгла те бумаги. Я видел черные печати…

– А, – отмахнулась Луиза, – старая переписка! Твой отец не состоял ни в каком тайном обществе, не нарушал законов. Впрочем, ты сам через два часа в этом убедишься.

– А остальное?

– Любовные письма его *женщин*.

Не родись Луиза в семье графа, употребила бы другое слово.

– Хорошо. – Объяснение матери показалось ему разумным. – А как насчет спальни отца? Я пробыл там не больше получаса и заработал удушье.

– Удушье?

Луиза побледнела, шагнула к нему, торопливо ощупала.

– Где болит? Тебе плохо? Послать за мэтром Одушем?

– Нет, уже все прошло. Тот запах…

– Запах?

Пальцы матери болезненно сжали его запястья. Спохватившись, она убрала руку, но на коже Рудольфа остались две красные отметины.

– Цветы. Полагаю, дело в цветах, – отведя взгляд, пробормотала Луиза. – На похороны прислали множество венков, даже от королевской семьи. Их сложили в спальне… Евгения, где тебя носит, дрянная девчонка, Рудольф вернулся!

Она бросилась навстречу дочери, нерешительно замершей на пороге комнаты.

Если Рудольф пошел в отца, то Евгения унаследовала внешность матери и преумножила ее, увы, не в лучшую сторону. Худая, высокая, ростом с брата, с белоснежными волосами, практически сливавшимися с кожей бровями и ресницами, она напоминала спиру. Острые ключицы резко обозначились под тканью траурного платья – будто Евгении не двадцать, а по-прежнему четырнадцать. Она держала в руках лампадку с изображением солнца. Такие ставили на могилы усопших.

– Вот. Это тебе. – Евгения протянула лампадку Рудольфу. – Я подумала, у тебя нет.

Она говорила тихо, избегала смотреть ему в глаза.

– Что здесь происходит? – копившееся много дней нервное напряжение выплеснулось наружу в крике.

Евгения отшатнулась от брата, едва не выронив лампадку.

– Ничего, о чем бы тебе следовало знать, – ответила за обеих Луиза и тайком пригрозила дочери кулаком.

– А о чем не следовало? – не унимался Рудольф.

– Евгения потом сама тебе расскажет. Она изрядно отравила последние дни твоему отцу. А теперь, сделай милость, наконец переоденься, раз уж ты раздумал спать.

Глава 2

Рудольф не сразу понял, где находится. Перед глазами стояло раскрасневшееся после танцев лицо Катарины. Она как всегда болтала всякую чепуху, а он пытался вычленить из этой шелухи нужную информацию. Князь Полеский был вчера в опере вместе с Юлией Ляйшер, супругой кромхеймсого посла…

Режущий слух звон повторился, окончательно сорвав с него покрывало сна.

– Лай! – помянул Рудольф Повелителя сил зла и открыл глаза.

Расписанный звездами потолок, легкое дуновение ветерка пощипывало щеки – определенно, не гостиница. Точно, он в Сайратине!

Рудольф со стоном сел на кровати, почесал голову. Сколько ему удалось проспать? От силы пару часов. После разговора с матерью Рудольф перебрался в свои покои и прямо в халате рухнул в постель.

Солнечные лучи проложили дорожку по каменному полу от окна до стула с одеждой. Пока он спал, слуги все подготовили.

– Интересно, матушка приказала выбросить штаны и жюстокор, или я найду их в дальнем углу шкафа? – усмехнулся Рудольф и сладко зевнул.

Однако что же издавало тот противный звук?

Осознание пришло с опозданием. Рудольф подскочил, запахнул развязавшийся во время сна халат и поспешил к секретеру, где светилось приглушенным синим цветом вмонтированное в откидную крышку зеркало. Как он мог забыть, проспать все на свете?! Его ждет поверенный! Или уже не ждет, поэтому завывает зеркало связи.

Сделав глубокий вдох, чтобы выровнять дыхание, Рудольф нацепил на лицо светскую улыбку и опустился на стул. После коснулся ладонью светящейся поверхности, мельком порадовавшись, что не видит в зеркале связи своей сомнительной физиономии – в отличие от обычных, эти зеркала не отражали предметы. Зато собеседник на том конце Авердена оценил его внешний вид.

– Развлекаетесь, Рудольф?

Людвиг Десятый со снисходительной улыбкой взирал на своего подданного. Сам король выглядел безупречно: ни отпечатков от подушки на лице, ни взъерошенных волос, ни тем более халата.

– Ваше величество?

Рудольф встал и отвесил монарху глубокий поклон, запоздало сообразив, что в халате делать этого не стоило. Впрочем, король никак не прокомментировал открывшиеся ему виды.

– Рад, что вы благополучно добрались до Сайратина. Плохо только, что возвращение вышло безрадостным. Примите мои глубокие соболезнования.

– Благодарю.

Болезненный укол совести напомнил Рудольфу, что он до сих пор не посетил могилу отца.

– Собственно, я надолго вас не отвлеку, понимаю, сейчас не время… Бедная Луиза Александра наверняка места себе не находит.

Рудольф усилием воли сдержал саркастическую ухмылку. Его мать вряд ли всплакнула, а теперь и вовсе в спешке, на радостях уезжала в южное имение Зюдхоф.

Что же она сожгла? И что подмешали в дрова? Теперь, немного отдохнув, Рудольф пришел к выводу, что его дурнота и попытка разжечь камин взаимосвязаны.

– Вы помрачнели.

Значит, уследить за лицом не удалось – позор для дипломата!

– Я не успел проститься с отцом.

Это было полуправдой, но до поры Рудольф не спешил раскрывать все карты. Обвинить свою мать в убийстве, вдобавок непонятным, необъяснимым способом – слишком серьезно. Вдруг всему найдется простое объяснение, какая-нибудь плесень, случайно затесавшийся в поленницу ядовитый гриб?

– Да, Фердинанд покинул нас слишком стремительно. Каждый камень в Сайратине напоминает о невосполнимой утрате, болью отдается в сердце. Почему бы вам на время не переехать в Несвиш? Столичная суета пошла бы вам на пользу. Вдобавок пора задуматься о будущем Евгении Марианны. Зимний сезон – идеальная возможность найти ей достойную пару.

– Отличная идея, ваше величество, я сам подумывал о переезде.

Ложь, но иного ответа от него не ждали.

– В таком случае до встречи в конце недели. Мой секретарь запишет вас на прием. Полагаю, мне найдется, чем вас удивить.

Изображение в зеркале потухло, а Рудольф продолжал недвижно стоять, опершись ладонями о спинку стула. Если он правильно понял, король собирался дать ему очередное задание. Вдобавок для Евгении присмотрели жениха – Людвиг Эран ничего не говорил просто так. Сестру ждал выгодный короне союз, а о ее чувствах никто не спрашивал. Равно как короля не интересовало, хочет ли Рудольф возвращаться в столицу. Но тут, пожалуй, их мысли совпадали. Рудольф не собирался становиться затворником Сайратина, каждый день смотреть из окна на ледяные скалы, жить прошлым.

Вспомнились веселые времена, проведенные в Несвише, ставшим ему вторым и любимым домом. Отец определил Рудольфа в закрытый элитный колледж, приучил к самостоятельности. Именно в Несвише многое с будущим графом случилось впервые. К примеру, он познал женщину. Рудольфу было шестнадцать, и он каждую среду таскался к одному из друзей отца, якобы поиграть в карты. На самом деле – залезть под юбку няньки его младшей дочери. Черты ее стерлись, равно как имя, в памяти остался лишь запах: смесь шерсти и душистого мыла. А еще торопливые, неуклюжие движения и старый чулан, где они придавались любви. Буквально через пару недель он охладел к хорошенькой исле, а ведь тогда казалось: это любовь…

После беседы с королем сон окончательно слетел. Рудольф оделся, сам, без помощи камердинера. Ну да, все черное – траур. Затем позвонил в колокольчик.

– Поверенный уже прибыл? – завязывая шейный платок-удавку, поинтересовался он.

– Точно так, ваше сиятельство.

Спир замер напротив него. Руки по швам, лицо безо всякого выражения – солдат солдатом!

– Давно ждет?

Хотя и так понятно: давно. Рудольф успел взглянуть на часы – начало пятого.

– Подайте ему чего-нибудь горячительного, шерри, например, извинитесь. Скажите, я уже иду. Он в гостиной?

– Нет, в кабинете покойного графа. Простите, в вашем кабинете, ваше сиятельство.

Высокий голос спира резал слух. Или это еще не выветрилось действие неведомой плесени-гриба? Бред, конечно, никто в дрова ничего не подмешивал. Да и как, специально вырастил ядовитую породу? И уж тем более мать, при всей нелюбви к покойному мужу, не пошла бы на убийство. Она слишком правильная, гордая, терпела бы, но не замарала рук.

– Хорошо, ступай!

Рудольф взмахом руки отпустил слугу, прошел в ванную комнату и бегло оценил свой внешний вид: бледный, но уже без прежних кругов под глазами. Все же сон – лучший целитель.

* * *

Нейл Шафрон не спеша, как и полагалось человеку его солидного возраста, поднялся с кресла. Кожаный портфель с бумагами остался лежать на столе – коричневое пятно на темно-синем сукне.

Прежде Рудольф бывал в отцовском кабинете всего пару раз: в первый, когда отец отдал его в колледж, и во второй, когда заезжал попрощаться перед заграничным турне. Помнится, Фердинанд тогда ворчал: «Хватит с тебя образования, пора послужить родине!» Откуда ж ему было знать, что именно этим Рудольф и занимался последние пять лет. Для всех он баловень судьбы, получил королевскую стипендию и отправился перенимать знания лучших человеческих университетов. Рудольф действительно числился вольнослушателем в нескольких, изредка посещал лекции, но самые важные дела вел на балах, за карточным столом и в постели. И ведь никто ничего не заподозрил! Рудольф был вхож даже в дом браунвергского канцлера.

Стряхнув с себя воспоминания, словно прошлогодний снег, Рудольф протянул Нейлу руку:

– Рад видеть вас в добром здравии, исл Шафрон!

– Я тоже, я тоже, палаэр Рудольф. Жаль, что при таких обстоятельствах!

Поверенный с сожалением покачал головой и пожевал губы. Несмотря на возраст, рукопожатие его было твердым.

– Полагаю, – он кивнул на свой кожаный портфель, – мы быстро закончим. Дела вашего покойного отца были в порядке.

– От чего он умер?

– Сердечный приступ. Старость, знаете ли, не радость, успеваешь обзавестись целой россыпью болезней. Меня, к примеру, все чаще подводит спина.

Рудольф в сомнении покачал головой. Спина Нейла была идеально прямой и явно здоровой.

– Кто обнаружил тело? Где?

Он хотел разом покончить с сомнениями, иначе она станут терзать его, словно червь яблоко.

Поверенный задумался, почесал покрытый редкой бородкой подбородок.

– Дворецкий, вроде бы. Милорд не спустился к завтраку.

– Так он умер ночью?

– Во сне.

– Один?

– Этого я не могу знать, палаэр, – развел руками Нейл. – Я всего лишь поверенный, а не исповедник.

– Моя мать была здесь?

Рудольф стиснул кулаки и с облегчением расслабил мышцы, услышав ответ:

– Ваша матушка вот уже много лет безвыездно живет в Зюдхофе, так что нет. Она прибыла порталом к полудню, я и мэтр Одуш встретили ее – сами понимаете…

– И как она… Как она отреагировала?

– Сдержанно. – Поверенный подозрительно глянул на него. – Милорд хочет услышать что-то конкретное? К чему ваши вопросы?

– Да так…

Рудольф не хотел признаваться в глупых подозрениях, но Нейл без труда о них догадался.

– Смерть вашего отца была вызвана естественными причинами. Заключение врача однозначно.

– И… И мэтр Одуш осматривал отца в спальне?

– Разумеется.

– И не почувствовал дурноты или головной боли?

Не могло же ему померещиться! Или могло? Нейл уже смотрит на него как на сумасшедшего. Выходит, ничего такого мэтр Одуш не почувствовал.

Рудольф нервно прошелся по кабинету.

Виной всему усталость и недосып. После трех дней утомительной дороги и не такое привидится! То, что ему стало плохо возле камина, – чистая случайность. Может, кровь прилила к голове или, наоборот, отлила – он плохо разбирался в медицине.

– Вы хотели бы еще что-то услышать о смерти вашего батюшки? – в любых обстоятельствах Нейл оставался предельно вежлив.

– Нет, спасибо, достаточно. Можем вскрыть завещание.

Поверенный кивнул и потянулся к портфелю. Щелкнул замок.

– Полагаю, моя мать и сестра должны присутствовать.

– Графиня уже отбыла в Зюдхоф. Мы успели переговорить, пока вы отдыхали. А палаэри Евгении нездоровится – мигрень.

– Вот как…

Рудольф задумчиво постучал по столу костяшками пальцев. Если с матерью все понятно, то с сестрой он серьезно поговорит. Сдается, Евгении есть, что скрывать, и она прячется от брата.

– Приступим!

Рудольф отодвинул старинное резное кресло и занял место владельца дома. В нос сразу ударил аромат роз и старой кожи – противоречивое, но такое знакомое сочетание, запах отца.

Он провел пальцем по чуть потрескавшейся обивке. Сколько же лет этому креслу? Оно вполне могло принадлежать первому графу ард Лергану, младшему внуку Его Высочества принца Альбера. Так что напрасно матушка кичилась отцом-маршалом, род ее супруга восходил к брату короля Людвига Восьмого, да и по женской линии мог похвастаться родством со знатнейшими, даже правящими фамилиями.

– Собственно, – нацепив на нос пенсне, поверенный зашелестел бумагами, – завещание покойного графа чрезвычайно лаконично: вам отходит все, кроме вдовьей доли вашей матушки в размере пятисот дукатов[3] в год.

Не так уж мало, Луиза могла спокойно доживать свой век, ни в чем себе не отказывая. Самому Рудольфу полагалась в пять раз больше, не считая золотых слитков в банке и доходов от продажи муки, зерна и прочих товаров с принадлежащих семейству земель и мануфактур. При желании он мог провести в праздности остаток жизни.

– А как же приданое Евгении?

Похоже, мать не шутила, когда вскользь обмолвилась о ссоре дочери с отцом. О ней в завещании не было ни слова.

– Полагаю, палаэр позаботится о нем сам.

Нейл снял пенсне и убрал его в нагрудный карман пиджака – укороченного сюртука более скромного покроя, который носили юристы, врачи, аптекари и служащие всех мастей.

– Когда было составлено завещание?

– Два года назад.

Два года… Выходит, ссора здесь ни причем. Или Евгения провинилась перед отцом гораздо раньше.

Желание переговорить с сестрой стало практически нестерпимым. Рудольф, не читая, чего за ним прежде не водилось, подписал все нужные бумаги и вышел из кабинета полноправ-

[3] Дукат – самая крупная денежная единица западных королевств, чеканится из золота. 1 дукат равен 8 серебряным талерам, 128 медным грошам или 512 ариям.

ным графом Алексаи. Однако к сестре он направился не сразу, сначала заглянул в отцовскую спальню.

Рудольф с опаской приблизился к камину, склонился над поленницей. Дрова прежние – он хорошо запомнил одно полено по глазку-сучку. Только вот запах исчез. Спальню проветрили, теперь в ней царил аромат горной свежести.

– Вот видишь, никакого яда, – пожурил себя Рудольф, но на всякий случай осмотрел каждое полено.

Сухие, самые обычные – ни следа преступления. Почудилось с дороги!

Тряхнув головой, Рудольф вышел из спальни, пересек лестничную площадку и оказался на женской половине замка. Потянулись нескончаемые гобелены, призванные украсить унылые каменные стены, а заодно защитить от сквозняков. Рудольф хорошо помнил, каковы они на ощупь – по традиции, детскую обустраивали тоже на женской половине. Лет с шести-семи мальчиков и девочек разделяли. К ним ходили разные учителя, они проводили время за разными занятиями, а потом будущие наследники и вовсе покидали отцовский дом, чтобы набраться ума-разума и дисциплины в зависимости от возраста в каком-нибудь пансионе или колледже.

Комната Евгении находилась в самом конце коридора, возле зимнего сада. Напротив нее, по другую сторону внутреннего дворика с розарием, протянулась открытая прогулочная галерея.

Рука Рудольфа замерла возле двери. Стучать или нет? С одной стороны, положено, Евгения женщина, с другой – он ее брат. И Рудольф решил войти без стука.

Он ожидал увидеть Евгению в постели, в полутьме страдающую от недуга, но ее там не оказалось. Непримятое покрывало свидетельствовало, что она и не ложилась. Зато лившееся в окно предзакатное солнце освещало то, чего Рудольф точно не ожидал здесь увидеть.

– Что за бесовщина! – нахмурился он, рассматривая самый настоящий алтарь, сооруженный на туалетном столике.

Чего тут только не было: и пришпиленный к куску бархата светлый локон, и фрагмент приглашения с алой сургучной печатью, и засушенная роза! Но главное место занимала покрытая поцелуями миниатюра. А ведь Евгения не красила губы!

Подойдя ближе, Рудольф убедился, что прекрасно знает изображенного на портрете мужчину.

– Кронпринц Мануил Альберт! – в изумлении выдохнул он.

На самом видном месте лежала помада, показавшаяся Рудольфу смутно знакомой. Именно ей, судя по всему, выведено сердечко на зеркале, в которое Евгения вписала миниатюру. Ей пришлось постараться, чтобы приклеить ее, но результат того стоил, портрет держался крепко. А вместе с ним и остальные сокровища сестры.

Рудольф подошел ближе, склонился над туалетным столиком.

Так и есть, помада матери. Наполовину стерта. Как только плутовка Евгения ее стащила и, главное, когда: мать жила в Зюдхофе, сестра – здесь.

– Неужели она срезала его локон?

Рудольф не мог поверить, что его тихая, незаметная сестра могла сотворить такое. Но волосы явно не ее, другого тона. Какие были у кронпринца, Рудольф уже не помнил: слишком давно его не видел. Зато семейство Лерганов в усеченном составе посетило королевский бал три года назад. Приглашения лично подписывал кронпринц, поэтому-то Евгения его сохранила.

– Ой!

Испуганный вскрик за спиной заставил Рудольфа обернуться.

– Вернулась, врушка?

Пристыженная Евгения мялась на пороге. Она выглядела вполне здоровой, даже не скорбела. Румянец расцветил пятнами щеки. Пальцы, смущенно теребившие свежий розовый бутон, красноречиво намекали, где и как Евгения провела время.

– Это что?

Рудольф ткнул пальцем в алтарь любви.

– Ничего.

Евгения торопливо прошмыгнула мимо него, скинула беличью шубку на постель. От сестры пахло фиалками и морозной свежестью – девичьей прелестью, как выразил бы поэт. Но Рудольф сейчас не был склонен к сантиментам.

– Ты влюблена в него?

Глупый вопрос с очевидным ответом.

– Да.

Вопреки ожиданиям, Евгения не стала отпираться. Гордо подняв подбородок, будто на ее руке красовалось колечко будущей кронпринцессы, она прошествовала к туалетному столику и заменила засушенную розу на свежую.

– И давно?

Рудольф понятия не имел, что положено говорить в подобных случаях.

– Давно, – с вызовом сверкнула глазами сестра. – А что?

– То, что тебе нужно выбросить из головы глупые мечты. Он на тебе не женится.

– Это мы еще посмотрим!

Евгения расправила плечи, приосанилась.

Рудольф тяжко вздохнул. Ну как объяснить ей, что даже чисто внешне Евгения кронпринца не привлечет? Что женится он исключительно по расчету, тоже на какой-нибудь принцессе, потому как будущему королю даже дочь графа не ровня.

Жалко ее! Судя по алтарю, совсем помешалась на Мануиле. Приглашение его величества как раз кстати. Здесь, в глуши, в одиночестве, Евгения и дальше станет грезить о несбыточном, а в столице быстро развеется.

– Осуждаешь?

Судя по тону, которым она задала вопрос, обязан был.

– Нет, если ты уберешь эти художества, – Рудольф обвел рукой алтарь, – и ограничишься обычными вздохами.

– А если не уберу? Заставишь?

Воистину, Евгения отлично маскировалась! Он-то думал, она серая мышка, а сестра пошла в мать.

– Просто глупо, Эжени, очень глупо!

– Не глупее твоих похождений и забав отца.

Евгения стянула перчатки и взлохматила светлые волосы. Шпильки водопадом полетели на пол. Она в сердцах забросила их носком ботинка под кровать.

– Я не слепая и не глухая, я тоже хочу счастья! Мануил будет моим.

– Хорошо, хорошо! – примиряюще вскинул руки Рудольф.

Ему не хотелось ругаться. Да и повод пустяшный – подумаешь, девичья влюбленность! Не было у нее ничего с кронпринцем и не будет.

Выдержав паузу, Рудольф с таинственным видом добавил:

– Ну, раз ты, оказывается, жить не можешь без кронпринца, то я тебя обрадую.

Глаза Евгении лихорадочно заблестели. Прижав руку к груди, она в надежде подалась к нему, обратилась в слух.

– Мы едем в столицу.

– Насовсем? – не веря своему счастью, уточнила Евгения.

– Надолго, – уклончиво ответил Рудольф.

Он пока понятия не имел, каких именно услуг потребует от него король.

– Я люблю тебя, братец!

Завизжав от радости, Евгений повисла на нем, расцеловала в обе щеки.

– Ты ведь не считаешь меня дурой, не попытаешь выдать замуж?

Отстранившись, сестра заглянула ему в глаза. В ее собственных плескалась тревога.

– Я с трудом защитила своего Мануила. Представляешь, отец хотел раздавить его каблуком. Его – каблуком! Мерзко, мерзко, мерзко!

В расстроенных чувствах она заметалась по комнате и рухнула на кровать.

– Отец собирался выдать тебя замуж? За кого?

– Неважно!

Перекатившись на бок, Евгения села и расшнуровала ботинки.

– Он только грозил, а потом умер. Мама говорит, очередная любовница довела. Но ты к нему все равно сходи, – беззаботно щебетала сестра, будто очередную сплетню пересказывала. – Памятника пока нет, только надгробие. Ты уж сам какое-нибудь закажи, а то я очень от похорон устала! Знаешь, как тяжело плакать, когда плакать совсем не хочется?

– То есть ты рада?

Слова Евгении ему совсем не понравились.

– Ну… – Сестра замялась и отвела глаза. – Я просила, чтобы он не просватал меня, и он умер.

– Кого просила? Кого-то конкретно?

Унявшиеся было подозрения вспыхнули с новой силой.

– Ой, братец! Хозяйку луны я просила, вот кого. Мама тоже ни капельки батюшку не жалеет, почему я должна? Тебя здесь не было, а он… Представляешь, если бы он на ком-то из своих любовниц женился? Мачеха бы точно меня за старика выдала, самого мерзкого, вонючего. То ли дело мой Мануил!

Евгения томно вздохнула, прикрыла глаза и перенеслась в страну розовых грез. Убедившись, что ничего больше от нее не добьется, Рудольф ушел.

Короткий разговор по зеркалу связи с семейным врачом окончательно поставил точку в отношении отца. Мэтр Одуш не сомневается в поставленном диагнозе, категорично отмел возможность насильственной смерти Фердинанда:

– Сердечко у него пошаливало от женщин. Скажу как есть, без экивоков. Сколько раз предупреждал: остановитесь, не гонитесь за молоденькими!

– А про спир правда?

– Чего не знаю, того не знаю, но могло быть. Забавы с ледяными женщинами вредно сказываются на здоровье, не удивлюсь, если именно они спровоцировали приступ. Крайне не советую! Настоящие, из крови и плоти, женщины всегда лучше, хотя и от них «подарки» случаются.

– Не беспокойтесь, – устало улыбнулся Рудольф, – я осторожен, а спиры меня не прельщают.

– Вот и славно! Еще раз мои соболезнования и, надеюсь, до нескорой встречи.

Глава 3

– Кошелек он и есть Кошелек!

Ласло Бредуш в досаде бросил карты на липкий от эля стол.

Матеуш Ласка лишь улыбнулся в пышные усы и сгреб в карман горстку меди – свой выигрыш за сегодня. Бывало, когда везло, сам Лай нашептывал в уши карты приятелей, он выигрывал целый грош, но сегодня в копилку Кошелька – прозвище говорящее, показывавшее отношение к деньгам, – отправилось чуть больше пяти талеров. Деньги тоже не малые – на хозяйство той же Тессе, своей падчерице, он выдавал по талеру в неделю.

– Слышал, ты жениться надумал…

Налитый за счет заведения эль несколько сгладил горечь от проигрыша, между приятелями завязалась оживленная беседа. Устроившись возле камелька в трактире «Пятнышко», они ели, пили, лениво наблюдая, как суетятся, обслуживая гостей, две старшие племянницы Матеуша. Вскоре к ним присоединилась его падчерица – сложно не заметить ее, яркую, даже в полутьме. Тесса разительно отличалась от прочих аверденок – волосы цвета черешни, зеленые глаза, тонкий стан. Та же сестра Матеуша – плотная, крепко сбитая баба с неприметными мышиными волосенками, а эта словно фея.

– Да, пора!

Матеуш погладил туго обтянутое рубашкой брюшко и скользнул придирчивым взглядом по Тессе. Он предпочел бы, чтобы она была чуточку шире в бедрах, ну да умрет в родах – не жалко, Кошелек приглядел ее для других целей.

– Сколько лет девке-то?

– Девятнадцать – самый сок!

– Поди, уже залез к ней под юбку! – хохотнул Ласло.

Он мысленно раздевал Тессу, завидовал приятелю. Может, девка и пришлая, неизвестно от кого матерью нагулянная, но хорошая! Уж он бы вдоволь натискал спелые яблочки и упругую попку, не оставил пустым чрево, только все лучшее в этой жизни доставалось Кошельку. Вроде, одним делом прежде занимались – торговали пенькой, только Ласло как держал мелкую лавчонку на окраине Несвиша, так и держит, а Матеуш разбогател. Жену-красавицу из Кромхейма привез (даже двух), трактир на бойкой улочке открыл, наверняка и счет в банке завел. А он, Ласло, монеты крупнее талера в глаза не видел.

– Куда торопиться, еще успею! – отмахнулся Матеуш и сдул пену с кружки.

После игры он пребывал в умиротворенном состоянии, глазками-щелочками поглядывал на приятелей-неудачников. Им бы только под юбку – единственное счастье! Можно подумать, он ради тела на Тессе жениться собрался! Оно, положим, молодое, упругое, только таких девок полно. Да и зачем жениться, если Тесса и так в полной его власти? Нет, тут главное не спугнуть!

Матеуш снова улыбнулся в широкие усы и нагладил блестящую лысину в обрамлении седеющих темных волос. Знали бы увальни, с кем они разговаривают! Он мысленно примерил к фамилии аристократическую приставку «ард». Матеуш ард Ласка – звучит!

Интересно, его по-прежнему станут величать господином, или как-то иначе? Положим, в нем ледяной магии ни на грош, но землевладелец же!

Отыскав взглядом красную головку Тессы, Матеуш помрачнел. Как бы она раньше срока не узнала! Письмо он спрятал, сразу, как получил, сунул в карман, но почтальон мог проболтаться. Матери тоже веры нет. Она ненавидела Карен, мать Тессы, ее саму, «ведьмино отродье», тоже не жаловала. До поры Матеуш не придавал этому значения. Наоборот, хорошо, пусть девка помнит свое место, не забывает, какое благодеяние он оказал ей и ее матери. Росла бы в приюте, а то бы и вовсе умерла с голода в канаве! Но теперь обстоятельства изменились.

Кольцо он уже купил, со священником тоже договорился. Обряд назначили на следующий вторник – Матеуш постарался выбрать день и час, когда в «Пятнышке» не будет посетителей. Терять выручку из-за Тессы он не собирался, пусть даже красноволосая падчерица принесет ему в сотни раз больше. «Как же ты вовремя отправилась к Лаю, старуха! – мысленно помянул он виновницу перемен в своей жизни. – Вот и сиди на том свете, не мешай мне считать добро!»

– Эх, железный ты, Кошелек! Я бы не удержался, – покачал головой Ласло. – Но хотя бы видел ее голенькую, когда мылась или спать укладывалась?

– Тебе бы только голых баб! – рассмеялся Матеуш. – Шестой десяток скоро, угомонись!

– Сам-то молодую жену берешь, хотя на два года меня старше, – обиделся Ласло и мечтательно добавил: – Я бы свою сморщенную каргу тоже на какую-нибудь кралю сменил!

– Не осилишь!

– Что верно, то верно, – поддакнул Жюстен, зять трактирщика, столовавшийся здесь же. – Бабы – дорогое удовольствие. У меня их четыре, я-то знаю! А все Ясмина твоя, не могла хоть одного пацана родить! Нет же, три девки!

Он раздраженно стукнул кулаком по столу, отчего деревянные кружки дружно подпрыгнули.

– Эль не разлей! – Матеуш рачительно относился к своему хозяйству, берег каждую каплю. – А девки… Плохо старался, значит.

Ему самому племянницы были в радость – бесплатная рабочая сила.

– Уж кто бы говорил! Десять лет с Карен прожил – хоть бы раз понесла!

Матеуш шумно засопел. Ему не нравились напоминания о прошлом браке. Жена действительно оказалась пустоцветом, чудо, что Тессу родила! С помощью Лая, не иначе. А все потому, что проклятая. Напрасно он тогда ее пожалел, накормил, уложил в постель, а после увез в Аверден. Скиталась бы и дальше по дорогам Кромхейма, гадала, стирала белье, а то и задирала подол – чем не работа для ведьмы? Но уж больно была хороша!

С тех пор минуло семнадцать лет. Семь лет Матеуш вдовел, все чаще сокрушался, что дело передать некому: трактир и капиталец. Действительно подумывал снова жениться – мужик ведь до смерти о-го-го, это женщина к тридцати вянет, а тут письмишко из Кромхейма пришло. Оказалось, покойная Карен и не бродяжка вовсе, из уважаемого рода, а дочке ее, как наследнице по женской линии, – у ведьм все по женской линии передавалось – наследство полагалось. Правда, с условием, но условием приятным для Матеуша, потому как по законам Авердена делало его богатым.

Разумеется, о том, что Карен ведьма, никто не знал. Перед тем, как жениться, Матеуш поставил условие – о магии забудь! И она забыла, даже карт не брала в руки. Для своего же блага. Ведьма, она ведьме тоже рознь, а дар Карен достался такой, что в Авердене казнили без суда и следствия, потому как угрожал жизни исвердов.

Передались ли умения матери Тессе, Матеуш не знал, хотя и опасался. Слишком уж яркие у нее волосы! От греха он велел падчерице врать, будто она красит их хной.

– Ничего, Тесса понесет, – оправившись от словесного удара под дых, заверил Матеуш. – Она девка здоровая, девственница, чего такой не родить?

– Как первенца-то назовешь?

– В честь отца, Гансом.

Жаль, не дожил старик до его возвышения, но хотя бы открытие трактира застал. Помнится, отец все твердил, мол, не выйдет из Матеуша толку, шел бы в подмастерья, а то и грузчиком, как он сам. А вот вышел толк, еще прогремит по всему Авердену фамилия Ласка.

– Ну да за богатый приплод!

Приятели чокнулись и дружно осушили кружки.

– Предложение-то уже сделал?

– Сегодня вот собираюсь.

Матеуш не сомневался, Тесса согласится. Обязана согласиться, потому как пошлина за свадьбу уже оплачена, будущее наследство распределено. Именно поэтому в трактир с утра пожаловала Ясмина. В обычные дни она помогала мужу в лавке, но сегодня вместе с матерью заставит Тессу принять правильное решение. Уж больно девка упрямая, своенравная, такую только силой и числом брать! Пусть кольцо на палец наденет при свидетелях, а дальше все, не отвертится. После свадьбы Тесса и вовсе стала бы собственностью мужа. Это не исверды, у простонародья свои негласные законы.

– Тесса!

Матеуш поднялся из-за стола. Звякнули в кармане выигранные арии.

– Подь сюды, потолковать надобно! – поманил он пальцем.

Тесса вытерла руки о передник, послушно подошла.

– Не здесь, наверх пойдем.

Там уже поджидали свидетели обручения.

– А как же тут? – растерянно пробормотала Тесса.

Субботний вечер, трактир почти полон.

– Без тебя справятся, не безрукие, не безногие.

Недоумевая, что вдруг срочно понадобилось от нее отчиму, Тесса послушно прошла в закуток за стойкой, а оттуда по скрипучей лестнице поднялась наверх, в жилые комнаты хозяев. Сама она ютилась за занавеской на кухне.

Позади поскрипывали ступеньки – отчим поднимался следом.

Тесса лихорадочно перебирала в голове события минувшего дня. Вроде, она ни в чем не провинилась, никому не грубила, с утра исправно напекла свежего хлеба, зашила отчиму штаны. Даже покормила и почитала старой карге – так Тесса называла Лорну. Язык не поворачивался назвать ее бабушкой. Еще бы, ведь Тесса слова доброго от нее не слышала!

Внутри ворочалось дурное предчувствие. Ох, не зря отчим бросил зал! Обычно он орлиным взором следил за гостями: как бы чего не украли, не ушли, не заплатив.

– Сюда давай!

Матеуш легонько подтолкнул падчерицу к своей спальне, самой большой комнате наверху. В последний раз Тесса переступала ее порог семь лет назад, когда одевала мать для погребения.

Все та же широкая супружеская кровать, накрытая вышитым покрывалом. Образки с луной и солнцем подвешены на тонких цепочках по обеим сторонам изголовья. Хозяин – с мужской, Хозяйка – с женской. Небольшое трюмо, за которым прежде Карен наводила красоту в редкие свободные минуты. Вот и ее пудреница из перламутра – щедрый подарок на годовщину. Собственно, ничего больше у Карен и не было, разве только костяной гребень. Помаду она делала сама, смешивала пигменты с воском. Волосы – у нее были шикарные вишневые локоны – укладывала сахарной водой, а потом и вовсе стала собирать в строгий пучок.

Полка с книгами – щедрый подарок отчима падчерице. Помнится, он всей округе хвастался: мол, дал Тессе образование, позволил ходить в школу. А все стараниями матери, это она уговорила мужа. Сначала он бурчал, когда видел, как жена занимается с маленькой Тессой, тратит на нее редкие минуты отдыха. Мол, зачем ей буквы, стихи, вилку-ложку уметь держать, шить бы училась – все деньги в дом. Но потом смилостивился, отдал подросшую Тессу в школу. Занималась она здесь же, за потертым дубовым столом, за которым Матеуш сводил баланс, вел строгий учет доходов и расходов.

После смерти мамы школу пришлось бросить: отчим требовал помощи в трактире. Зато он не запрещал Тессе в свободное время трудиться в книжной лавке на углу. Добрый хозяин разрешал ей читать любые книги, объяснял непонятные места.

В семье слыла образованной дамой. Та же Анжела, старшая дочь Ясмины, с трудом читала по слогам и считала до ста. Младшие и того не умели. Немудрено, что и сестра, и мать дружно твердили Матеушу: «Избаловал девку! Умная слишком, много воли возьмет».

– Садись!

Матеуш указал на табурет возле окна.

В дверях возникли разодетые по случаю сватовства родственницы. При виде них Тесса заерзала на табурете, словно загнанный дикий зверь, втянула носом воздух. Не к добру!

– Мама?

Матеуш со всем почтением усадил сгорбленную Лорну на кровать.

Ясмина осталась стоять. Синее платье с оборками шилось до первых родов, давно стало мало. Ясмина постоянно одергивала его на груди и бедрах. В церковь она наденет другое, черное, с отложным воротником.

Лорна и вовсе каждый день, неважно, будний он или праздник, носила строгий вдовий наряд. Сегодня его оживляла эмалевая брошка в виде луны. Поддавшись уговорам сына, она собиралась подарить ее будущей невестке.

– Ну вот, все в сборе, – удовлетворенно кивнул Матеуш и попросил сестру: – Дверь запри!

Тесса вздрогнула, когда ключ провернулся в замке. Комок подступил к горлу. Что они задумали? Неужели решили убить? Мама не раз твердила: огненных ведьм ненавидят, береги, скрывай ото всех свой дар! И Тесса старалась. Знала, отчим пристально следит за ней, но ни разу не зажгла огня без огнива, не согрелась без теплой шали морозной зимой. Спиров, если вдруг встречала на улицах, обходила десятой дорогой, с исвердами не заговаривала. Да и кто она такая, чтобы родовитым ледяным магам снизойти до нее?

Сердце колотилось в груди. Бум-бум-бум!

Как они узнали, как догадались? Эх, следовало высветлить приметные волосы, а то и вовсе состричь под корень на радость бабке, но поздно!

– Тебе уже девятнадцать, – прочистив горло, издалека начал Матеуш.

Он расхаживал по комнате взад-вперед, временами бросая на падчерицу задумчивые взгляды. Не опробовать ли Тессу сразу после помолвки – для надежности. Обесчещенная, она точно никому не сгодится.

– Взрослая девка, почти перестарок, – поддакнула Ясмина. – Давно пора домом своим обзавестись, детишек родить.

Она мимолетно коснулась живота, в котором, как надеялась, постепенно рос мальчик. Хватит с нее девок, муж бросит, разведется, если Ясмина родит четвертую! Чтобы не сглазить, о своей беременности она пока молчала, благо с ее телосложением не понять, еще больше раздобрела или уже в положении.

– Ладно, хватит ходить вокруг да около!

Матеуш вытащил из кармана простенькую сафьяновую коробочку, щелкнул замочком.

– Палец давай! – кивнул он Тессе. – И при двух свидетелях клянись, что станешь моей женой. Свадьба во вторник.

Владелец замка Вороний утес – это звучит, что там какой-то трактир!

– Нет, – ушатом холодной воды вылился на него ответ падчерицы.

Матеуш часто-часто заморгал. Уж не ослышался ли он, неблагодарная девка ему отказала! Живет в его доме под его фамилией, пьет его воду, ест его еду… Матеуш даже на серебряное кольцо потратился, мог бы проволочным ограничится, а она – «нет», неблагодарная! Побагровев, он шагнул к Тессе, ухватил ее за руку и силой надел кольцо.

– Слово давай!

Звонкая оплеуха придала его словам весомости.

– Нет!

Грозно сверкнув зелеными, превратившимися в два пылающих изумруда, глазами, Тесса швырнула кольцо на пол.

Ясмина охнула, ухватилась за голову, запричитала.

– Дрянь! – А вот Лорна молчать не собиралась. – Ведьмино отродье! Ты ноги Матеушу целовать должна, что он тебя пригрел, как родную растил, а теперь хозяйкой всего делает. Что ты не шлюхой станешь, а госпожой. Что детей тебе не ветром в поле надует, а законный муж подарит.

– Он мой отчим! – Тесса уцепилась за единственную возможность избежать жуткого брака. – Так нельзя!

При мысли, что он прикоснется к ней, станет шарить руками по ее телу, мутило.

– Все улажено, – напирал Матеуш, – священник согласен. Мы аннулируем документ об удочерении и сочетаемся браком как все прочие мужчины и женщины.

– Я… Я не люблю вас!

Тесса искала и не находила выхода из ловушки. «Лучше бы меня казнили!» – промелькнуло в мозгу. Она не обольщалась насчет будущей жизни с Матеушем, та превратится в нескончаемую пытку. Да и как можно – с мужем матери!

– Экая важность! – хрюкнул Матеуш. Он немного успокоился, решил, что дело наконец пошло на лад. Падчерица еще немного покобенится, поднимет колечко и даст себя поцеловать. – Разве люди для любви женятся? Я семь лет вдовствую, без хозяйки, без наследника. Ты и вовсе не пришей кобыле хвост, из милости здесь обретаешься. Сделка выгодная, соглашайся! Куда тебе еще податься?

– Известно куда! – проворчала Лорна. – Она ученая, думает, будто ждут ее с распростертыми объятиями! Как мать, хочешь, чтобы обрюхатили и в канаву бросили? А так и будет, помяни мое слово, если ты за сына не выйдешь! Кто тебя защитит? Да любой к стенке прижмет, вдоволь между ног потешится.

– Вы… вы же старый! – раскрасневшись, выпалила Тесса.

– На твой век хватит, – со смешком заверил Матеуш и покосился на кровать. – Я ведь и доказать могу, что ничем юнцам не уступаю.

Тут Тесса окончательно запаниковала. Что, если они втроем завалят ее на постель? Тогда все пропало, ей одна дорога – отчиму в жены.

«Сила – в уме да в хитрости», – в свое время наставляла мать. Отчим глуп, его мать и сестрица тоже. Пусть успокоятся, поверят, будто уговорили. Если Тесса и дальше станет упорствовать, они ее принудят, а так она выиграет немного времени, подумает. Одно Тесса знала точно: в церкви во вторник ее не будет.

– Ну как, согласна?

Уставший ждать Матеуш навис над ней грозной тенью. Выходит, опасения Тессы не напрасны, ее насилием собирались принудить к замужеству.

– Да! – пискнула она прежде, чем пальцы Матеуша коснулись ее плеча.

– Вот и славно, давно бы так! – просиял он.

По правде, Матеуш не собирался задирать ей сегодня юбки: слишком много эля выпил, опасался осечки. С девчонки станется растрезвонить о его немощи, да и при сестре, матери както неудобно. Положим, в прежние времена было в порядке вещей ложиться в брачную постель при свидетелях, но при мужчинах, не женщинах. Собирались в комнате молодоженов родные жениха, следили, чтобы все честь по чести, советы давали. При немощи мужа и подсобить могли – все одна семья. Но те времена давно прошли, только Тессе об этом знать необязательно. Ишь, как испугалась! Этого Матеуш и добивался.

– Вся округа обзавидуется – какая хорошенькая, смазливая жена!

Он ласково потрепал ее по щеке, мысленно прикидывая, как быстро сможет вступить в права наследования.

– Колечко надень и слово давай.

– При нотариусе. Хочу брачный контракт, – неожиданно вновь заартачилась Тесса.

Она отворачивалась, по мере возможности старалась отодвинуться от отчима-жениха. Как же от него разило кислым пивом и потом! Сколько себя помнила, Тесса ненавидела этот запах. Казалось, он был повсюду, впитался в стены. «Аристократка», – как брезгливо звала ее Ясмина, Тесса единственная из всех мылась каждый день, тратила скудные карманные деньги на душистое мыло.

– Да вы только посмотрите на нее! – Лорна аж затряслась от возмущения. – Мало ты ее порол в детстве!

А ведь она права, больше всего доставалось Карен, Матеуш мог и кулаком двинуть. Тессе в основном доставались тычки и подзатыльники. Пороть отчим ее, само собой, тоже порол, но обычно ей удавалось убежать, переждать грозу в той же книжной лавке. После смерти матери он и вовсе махнул на нее рукой, лишь бы исправно в трактире работала.

– Оставь ее! – неожиданно вступился за Тессу отчим. – Она права, нужно сделать все по закону, с нотариусом. Слово словом, а бумага надежнее.

– Учти, – погрозил он падчерице, – я тоже грамотный, а во всяких хитростях поднаторел больше тебя, пигалица! Так что не вывернешься, станешь моей женой.

– Да я и не собиралась изворачиваться, вы да бабушка мне все доходчиво растолковали. Только, – Тесса смущенно взмахнула ресницами, – как мне вас теперь называть-то? Батюшкой больше нельзя, а мужем рано. Да и в спальне холостого мужчины находиться мне нельзя, коли я вам больше не вместо дочери.

Матеуш крепко задумался, почесал подбородок.

– На словах сделку скрепим, и ступай себе, жди, пока снова не позову. Называй пока тоже по-старому.

– А раз по-старому, то и целоваться нам нельзя.

Права мама, умный человек всегда найдет лазейку.

– Ладно, – пошел на уступки отчим, – обойдемся без поцелуя. Больно мне он нужен!

– По традиции же положено! – покачала головой Лорна.

Она никак не могла взять в толк, зачем сыну понадобилась эта строптивая девица. Молодых да звонких полно, зачем падчерицу-чужеземку замуж брать? Бесплатно она и дальше бы в трактире работала. Не иначе, желание в нем возбудила. Вся в мать! Та тоже чарами приворотными Матеуша к себе привязала. Виданное ли дело – жениться на бабе с ребенком! И если бы вдове! Лорна чуть не слегла, когда сын вернулся из Кромхейма с женой и двухлетним дитем. Но раз сын хочет, пусть женится. Кто она такая, чтобы перечить? Слово мужчины – закон, опять же внуков хочется. Карен непутевая была, зря бока в супружеской постели пролеживала, может, дочка ее сподобится? Заодно кров и хлеб отработает, на старости у мужа сиделкой будет. Да и ей, Лорне, пригляд нужен, все тяжелее по лестнице подниматься. Молодая невестка везде поспеет: и люльку покачать, и белье постирать, и обед сготовить, и гостей обслужить, и свекрови постель переменить. А то, что падчерица, так даже хорошо, приданое в чужой дом не ушло, все в семье осталось.

– Будет вам традиция, мама!

Устав от затянувшегося сватовства, Матеуш ухватил падчерицу за подбородок, не поцеловал – так, мазнул по губам.

Тесса задержала дыхание. Только бы не стошнило, тогда они поймут, что она притворяется! А ведь это только начало, если Тесса не сбежит, отчим с нее супружеский долг стребует.

– На!

Матеуш поднял закатившееся под стол кольцо и надел на обмякшую руку Тессы.

– Ну?

Он явно ждал благодарности.

– Красивое, – даже не взглянув, бесцветным голосом пробормотала Тесса.

Мысли ее путались, живот скрутило спазмом.

Эх, почему она не полноценная ведьма!.. Увы, мама не учила ее колдовству, а Тессе так хотелось спалить проклятый трактир дотла. Всю жизнь хотелось, сколько она себя помнила.

– Ступай, жди, пока снова не позову.

Матеуш понятия не имел о бродивших в ее голове мыслях. Не заметил и крошечного огонька, зажегшегося в глубине зрачков.

– В зал бегом, Тессу подмени, – зыркнул он на сестру. – Нечего задницу просиживать, гостей много!

Уверенный, что замок и прочие блага у него уже в кармане, Матеуш, насвистывая, отправился за нотариусом.

Глава 4

– Но почему?

Евгения состроила самое невинно-обиженное выражение лица, на которое только была способна, но Рудольф не изменил принятого решения:

– Нет.

Он рассеянно перебирал письма на серебряном подносе. Соболезнования, визитные карточки, вновь соболезнования, счета…

– Но это несправедливо! – Евгения едва не топала ногами. – Привезти меня в столицу – и посадить под замок!

– Из дома ты не выйдешь, – в очередной раз повторил Рудольф.

Он слишком хорошо помнил алтарь, сооруженный в честь кронпринца, и не без оснований опасался, что сестра может натворить глупостей. Она переменилась, его Эжени, больше не девочка с розовыми бантиками. Рудольф упустил то время, когда сестра резко повзрослела. Он оставил в Сайратине неуклюжего застенчивого подростка, а привез в столицу невесту на выданье. В свете осторожных намеков его величества о чести Евгении надлежало печься особенно тщательно, поэтому, с утра прибыв порталом в Несвиш, Рудольф принял непростое решение ограничить сестру в передвижениях. Отныне все поездки и визиты исключительно в его обществе. Втайне он наделся, что новые декорации увлекут ее, и Мануил Альберт, а вместе с ним и все остальные вздохнут спокойно. Ну не может эта глупая любовь продлиться долго!

Евгения в досаде пнула постамент с расписной вазой. Подумала, и разнесла ее вдребезги.

– Эжени!

Рудольф укоризненно покачал головой.

Не дожидаясь приказа, двое проворных спиров убрали осколки.

– Тут все пропахло нафталином!

Театрально заламывая руки, Евгения подошла к окну и резким движением распахнула бархатные портьеры.

– Смотри, – она указала на свои пальцы, – пыль! И ты собираешься запереть меня в этом склепе?

– Предпочла бы остаться в Сайратине?

Он заранее знал, какой ответ услышит.

– Нет, конечно!

От одной мысли об одиноких днях в затерявшем среди льдов замке Евгению бросало в дрожь. Когда она услышала о грядущем переезде в Несвиш, запрыгала от радости: больше никакой удушающей опеки матери, наставлений отца, сватовства старых, ни на что ни годных лордов. Подумать только, ее едва не отдали за одного такого! И вот теперь, когда, казалось, все позади, брат снова сажал ее в клетку.

– Не ной, – несколько смягчился Рудольф, – мы станем выходить в свет, обязательно посетим оперу…

– А во дворец ты меня не берешь, – мстительно напомнила Евгения и, надув губы, плюхнулась на ближайший диванчик.

– Я иду туда по делам, ты знаешь.

– А еще там Мануил, и ты не даешь мне с ним видеться.

На минуту Рудольфом овладело трусливое желание бросить все, подать в отставку и уехать. Купить какую-нибудь виллу на морском побережье, взять на содержание хорошенькую куртизанку… Но графский титул давил на плечи. Он обязан думать о чести фамилии.

– Эжени, – оторвавшись от скопившейся за долгое время корреспонденции, Рудольф строго глянул на сестру, – а тебе не приходило в голову, что ты ему не нужна? Положим, вы

снова встретитесь. Ты начнешь вешаться ему на шею, предлагать себя… Ты, леди фон Алексаи! Имей хоть каплю гордости и прекрати вздыхать о мужчине, который за два года не удостоил тебя даже взгляда.

– За три года. И он не мог. Родители следили за ним так же строго, как и за мной, заставили обручиться с этой принцессой…

Она состроила брезгливое выражение лица, словно невеста принца – жаба. Между тем, по слухам, Августина Терезия крайне симпатичная девочка, обещавшая со временем превратиться в красивую женщину. У нее имелся всего один недостаток – возраст. Будущая королева Авердена пока играла в куклы, поэтому обручение было заочным, а свадьбу отложили до совершеннолетия невесты.

– Я устала! Надеюсь, моя комната готова? В этом доме так душно!

«Зато тепло», – подумал Рудольф. Несмотря на принадлежность к чистокровным исвердам, он предпочитал льду и голым стенам уютные деревянные панели и приглушенный шум города за окном.

Столичный особняк фон Алексаи насчитывал не одно столетие – его возвел еще родоначальник семейства. По слухам, он выиграл земельный участок в карты у тетки. По официальной версии, земля была пожалована дедушкой-королем. С тех пор дом несколько раз перестраивался и видоизменялся по последней моде. К примеру, при отце Рудольфа туда провели водопровод – неслыханную роскошь для того же Сайратина. Трехэтажный, с двумя флигелями, разнообразными службами, разбитым в пейзажном стиле садом, парадным фасадом он выходил на Королевский бульвар – самую аристократичную и фешенебельную улицу столицы. Дома на ней стоили баснословных денег. Все потому, что завершался бульвар оградой королевского дворца. Взамен на опустошенные кошельки обитатели здешних мест могли рассчитывать на тишину, безопасность, уличное освещение и возможность наблюдать из окон за королевской семьей во время конных прогулок.

– Постой, что это?

Евгения была уже в дверях гостиной, когда ее остановил суровый окрик брата. Пришлось вернуться.

Нахмурившись, Рудольф вертел в руках какую-то бумажку.

– И?

Пристав на цыпочки, Евгения пыталась рассмотреть, в чем же дело. Под ложечкой защемило, но она отогнала от себя панические мысли. Никто не знал, не мог знать! И уж точно не стал бы скреплять личной печатью.

– Долговая расписка за подписью отца. Платеж просрочен на полгода. Ты что-нибудь об этом знаешь?

Сжимая злосчастное письмо в руке, Рудольф взглядом пригвоздил сестру к полу.

– Понятия не имею, – растерянно пробормотала Евгения и протянула руку, забрала бумагу.

– Выдать подателю сего… – быстро читала она, забавно наморщив носик. – Под честное имя… Срок уплаты… Я ничего не понимаю, Ральф!

Евгения подняла голову; державшие расписку пальцы чуть подрагивали.

– Отец… Ему незачем было брать десять дукатов, тем более у иностранца!

– Почему ты думаешь, что Рамон Иварса иностранец?

Он пытался подловить сестру, понять, притворяется она или действительно ничего не знает.

Дело серьезное. Проблема вовсе не в десяти дукатах – даже с набежавшими процентами не слишком большая сумма при его доходах, а в поддельной подписи отца. На первый взгляд она ничем не отличалась от настоящей, но на второй в глаза бросалась прерывистость линий,

иное написание гласных. При этом личная печать подлинная, тайно воспользоваться ей могли только члены семьи, дворецкий Рафус, поверенный и врач.

Предатель. От одного этого слова рот наполнялся горечью.

Проще закрыть глаза, заплатить этот долг, но Рудольф хотел докопаться до сути. Кто и почему пошел на преступление?

– Ну… – замялась Евгения. – Имя у него странное – Рамон.

– Эжени?

Рудольф требовательно посмотрел ей в глаза.

– Да не знаю я ничего! – взорвалась сестра. – Нет у меня этих денег! Были бы, давно сбежала. Или думаешь, будто я их под подушку положила, до лучших времен?

– И то верно, – неохотно признал ее правоту Рудольф.

Однако его не покидало ощущение, что Евгения темнит и тот самый таинственный Рамон ей знаком.

– Хорошо, – он забрал у нее долговую записку и сунул в карман, – сегодня же я напишу ему и все выясню.

Рудольф искоса наблюдал за сестрой. Сейчас она всплеснет руками, в страхе выкрикнет: «Не надо!», но Евгения задумчиво изучала потолок.

– Рамон… Рамон…

Она вновь наморщила носик.

– К нам как-то наведывался иностранец, сюда, когда мы с матушкой приехали на бал. Кажется, речь шла о каких-то бумагах. Может, это он?

– Может. Я сообщу тебе, как только что-то узнаю.

– Сделай милость. А пока я пошла. Попытаюсь обустроить свою одиночную камеру.

Приподнявшись на мыски, Евгения, как в детстве, чмокнула его в лоб и скрылась за дверью. Рудольф проводил ее недоверчивым взглядом. Это письмо, резкая перемена в поведении, поцелуй… Уж не припрятала ли сестра в рукаве очередную тайну?

Рудольф не любил откладывать дела в долгий ящик, поэтому, даже не переодевшись с дороги, уселся за ответ господину Иварсе. Представившись, он просил о личной встрече. Мол, как наследнику, ему требовалось прояснить некоторые моменты. О поддельной подписи не упомянул. Сначала он взглянет на таинственного господина Иварсу, выслушает обстоятельства дела, а потом уже решит: выплатить долг или подать на него в суд.

Промокнув написанное, Рудольф несколько раз перечитал текст письма, запечатал и позвонил в колокольчик.

– Отправить с вечерней почтой!

– Как прикажете, ваше сиятельство.

Ледяные пальцы на мгновение обожгли, забрав из его рук письмо.

«Надо сотворить еще парочку спиров», – мельком подумал Рудольф. Вот и занятие на вечер нашлось – глушить смерть отца в вине претило, а так все польза. Слуг действительно не хватало. Одно дело – приглядывать за домом, пока хозяева в отъезде, другое – обсуживать двух исвердов. Где, к примеру, взять горничную для Евгении, не из людей же нанимать!

* * *

Рассеянный зимний свет, блеклый и тусклый, падал через высокое окно в потолке на каменный стол в лаборатории. По традиции, ее обустраивали подальше от жилых покоев. Так в столичном доме Алексаи под нее отвели мансарду садового флигеля.

Рудольф снял сюртук, тщательно расправил и повесил его на спинку высокого стула. После покосился на блок из чистейшего речного льда, который доставили менее часа назад. Не

всякий материал годился для создания спиров, надлежало все тщательно осмотреть, проверить на посторонние вкрапления и сколы.

Поставщик не подвел, дорожил своей репутацией, Рудольф остался доволен. Сегодня он работал один, хотя пора бы уже научить созданию живого из неживого сестру. Рудольф заходил к ней. Утомленная дорогой и ссорой, Евгения спала. Подложив кулачок под щеку, она напоминала себя прежнюю. Рудольф потихоньку вышел, не потревожив ее сна, и направился прямиком во флигель.

Физический монотонный труд – лучшее лекарство от всех бед. Когда творишь, не думаешь о мелочах. Этой истине когда-то научила Рудольфа мать. В отличие от отца, она часто работала со льдом. Прежде он не задумывался, почему именно мать отвечала за создание и починку слуг, а теперь понял, что за внешним семейным благополучием скрывалось много проблем. Сдается, Фердинанд унес под крышку гроба не только свои измены, но ворошить прошлое Рудольф не собирался.

Сегодня он изваяет горничную.

Прикрыв глаза, Рудольф представил будущее творение и взялся за инструменты. Он смело работал пилой и топором, не боялся отрезать лишнее.

Когда черновая работа была окончена, пришел черед долота и молотка.

Разгоряченный работой, Рудольф засучил рукава, избавился от жилета. Потом и вовсе расстегнул рубашку: ему не хватало воздуха.

Исвердам не требовалось филигранно выверять каждую деталь, достаточно наметить общие контуры, остальное доделает магия. У традиционных скульпторов на каждое творение уходили недели, а то и годы, Рудольф справился за пару часов.

Высеченная изо льда фигура пока отдаленно походила на женщину. Ростом она чуть уступала Евгении, зато крепкая, коренастая – задача горничной не ублажать взор, а без устали трудиться.

Рудольф скептически оценил свое творение: отшлифовать, или приступить к оживлению?

– Да, растерял, растерял былые умения! – покачал головой он.

Евгения работу не примет, потребует переделать. И будет права, потому что такую спиру гостям показать стыдно. Не служанка из благородного дома, а крестьянка! Надо добавить изящности, чтобы сочеталась с интерьерами, мебелью.

Склонившись над заготовкой, Рудольф принялся сглаживать острые углы, где надо, с помощью ледяного лома и воды, добавлял выпуклости. Синие змейки дара мгновенно спаивали массу воедино.

Второй вариант уже больше походил на женщину: пышная грудь, тонкая талия, намек на длинные волосы. Можно оживлять.

Острая шейная булавка вошла палец. Дождавшись, пока на нем набухнет капелька крови, Рудольф приложил к ранке пробирку и начал считать: один, два, три… Отмерив ровно двенадцать капель, по числу месяцев в году, он перевязал палец и заткнул сосуд осколком льда. Проверив, чтобы кровь не вытекала, Рудольф вставил сосуд в заранее просверленное в районе сердца отверстие. Он запечатал его прежним способом – с помощью охлажденной воды. Тончайшее ледяное стеклышко скрыло пробирку с кровью. Она мерцала там словно огонек свечи в фонаре.

Спира была практически готова, оставалось вдохнуть в нее жизнь.

Переливающиеся синие магические нити потянулись от пальцев Рудольфа к заготовке на столе. Лед завибрировал. Лопнула, не выдержав давления, пробирка внутри скульптуры, разбросав во все стороны капли крови. Они обернулись алыми нитями, ручейками-венами разбежались по телу спиры, сплетаясь в вены и артерии.

Снежный вихрь подхватил скульптуру, поднял ее над столом. Заключенная в кокон бледно-голубого света, она сияла. Десятки блестящих нитей соединили ее с Рудольфом, напитывая магией. Она слепила, будто из глины, из осколков пробирки самое настоящее сердце. Легкий хлопок, и оно сделало свой первый, самостоятельный удар, соединилось с сотворенными чуть ранее жилами.

Поверхность скульптуры пошла трещинами. Во все стороны брызнула ледяная крошка. Сбрасывая ненужное, тело спиры оживало, обретало недостающие человеческие черты. Сжались в судороге пальцы, широко распахнулись бесцветные глаза. Проросли из льда губы, с треском весеннего половодья из общей массы отделились волоски, блестящим морем заструились по спине спиры, гладкие, блестящие, шелковистые.

Тело ледяной служанки содрогнулось в конвульсиях, и бесцветные глаза наполнились разумом. Приглушенное магическое свечение погасло, снежный вихрь плавно опустил новорожденную на стол.

– Приветствую вас, хозяин! Рада служить вам отныне и навеки.

Спира проворно соскользнула со стола и почтительно склонилась перед создателем.

– Ступай к экономке, она выделит тебе одежду.

Рудольф равнодушно взирал на замершую перед ним в глубоком поклоне обнаженную красавицу. Ее тело не воспринималось им как живое, это как стул или стол. Заниматься любовью со спирой!.. Отца оклеветали, не мог покойный Фердинанд так низко пасть!

– Как прикажете, палаэр.

Прохладные губы спиры коснулись его руки.

– Что-нибудь еще, палаэр?

Она выпрямилась, посмотрела ему в глаза. В ее действиях не было никакого сексуального подтекста, спира всего лишь пыталась угадать его желания.

– После экономки найди дворецкого. – Скомкав, Рудольф засунул окровавленный платок в карман, чтобы после сжечь. – Пусть тебя обучат мастерству горничной.

Несмотря на врожденное желание служить и повиноваться, спиры не появлялись на свет со всеми необходимыми навыками и умениями. Как и людей, их надлежало научить ремеслу, с той лишь разницей, что ледяные слуги схватывали все гораздо быстрее. В крупных городах существовали специальные школы, где за неделю, максимум за две спиры постигали нужные хозяевам науки. В замках и поместьях обучением занимались специальные люди – увы, перенимать у друг друга опыт спиры не могли.

– Как прикажете, палаэр.

Спира вторично поцеловала даровавшую ей жизнь руку.

– Как мне называть вас, чья я раба?

Рудольф представился, назвал имя своей сестры и на всякий случай матери. После выпустил спиру и, смежив веки, привалился в стене.

– Отвык, отвык ты от магии, приятель! – пожурил он себя. – Размяк в людских королевствах, в людских постелях. Вот и руки дрожат – после одной-то спиры! И крови отдал всего ничего…

Однако умом Рудольф понимал: дело вовсе не в магии. Последние недели он жил в неизменном напряжении – сначала известие о смерти отца, потом странности в его спальне, любовный алтарь сестры, спешный отъезд матери, разговор с королем. Теперь долговая расписка… Тут работа со льдом не поможет.

– Хм…

Рудольф вспомнил, что среди карточек на подносе он видел визитку старинного друга отца. К ней еще прилагалась записка, мол, Гидемин не только соболезнует его утрате, но и в любой день рад пригласить его на дружескую рюмочку шерри.

Выпивка и беседа с умным человеком сейчас бы не помешала. Сваливаться как снег на голову неприлично, поэтому он пошлет записку. Хорошо бы наведаться к барону фон Эрде сразу после королевской аудиенции, так сказать, заесть и запить привкус дворцовых коридоров, где воздух пропах интригами и лизоблюдством. К тому же барон – опытный придворный, всю жизнь провел в столице. При необходимости с ним можно без опаски посоветоваться. В частности, Рудольф собирался осторожно поднять вопрос о браке Евгении. Если король нашел ей жениха – хорошо, если нет, он возьмет замужество сестры в свои руки. Чем скорее она забудет кронпринца, тем лучше. Гидемин поможет составить список подходящих молодых людей, а его дочери сопроводят Евгению в свет. Их у барона две, одна тоже барышня на выданье, вторая дебютирует в этом сезоне.

Однако записку посылать не пришлось. Стоило Рудольфу вернуться в дом, как дворецкий почтительно протянул ему визитную карточку с золотым тиснением:

– Барон фон Эрде, ваше сиятельство. Прикажет принять?

– Конечно, зови! Проводи его в Малую гостиную, скажи, я сейчас спущусь.

Не появляться же перед гостем потным и грязным!

Рудольф торопливо поднялся к себе. Вещи еще не успели распаковать, но он и сам, без помощи слуг, отыщет свежую рубашку.

Ну вот, ополоснуться после работы над умывальником, сменить сорочку, и можно к гостю. Барон не король и не дама, простит Рудольфу некоторую небрежность в одежде.

Гидемин Лотарь ард Пфальц, барон фон Эрде, казалось, не постарел с момента их последней встречи. Такой же подвижный, с живым взглядом и забавной клиновидной бородкой, он на правах давнего друга семьи заключил Рудольфа в объятия, утешающе похлопал по спине:

– Эта такая утрата для нас всех! Как ты, держишься?

Рудольф улыбнулся. Мать пришла бы в ужас от грубейшего нарушения этикета, а ему нравилось сердечное «ты» Гидемина. В его памяти Рудольф навсегда остался мальчишкой. А ведь смерть старинного друга и ему нанесла глубокую рану – Фердинанд и Гидемин подружились задолго до рождения Рудольфа. Наконец-то нашелся человек, с которым можно откровенно обсудить свою утрату! Мать и сестра для этой роли, увы, не подходили.

Чтобы отвлечь Рудольфа от мрачных мыслей, Гидемин расспрашивал о поездке по человеческим королевствам, здоровье Луизы:

– На похоронах она выглядела неважно.

– Вы были на похоронах?

Вновь кольнула совесть. Сам-то он не успел…

– Да, конечно. Не беспокойся, все сделали, как должно. Разве только твоя сестра…

Гидемин стушевался, не закончил фразы.

– Что моя сестра? – вмиг напрягся Рудольф.

Его самого беспокоило поведение Евгении.

– Все сокрушалась, что король ограничился письмом. Мол, мог бы приехать или прислать кронпринца Мануила.

– Ах это!..

Рудольф с облегчением выдохнул и пояснил:

– Она помешана на кронпринце. Детская влюбленность. Ничего, скоро пройдет! Надеюсь, в остальном Евгения?..

– Безупречна, как и все фон Алексаи. Мне попросить девочек завтра заехать, немного развлечь ее, пока ты занят делами короны?

– Если вам несложно.

Как все славно обернулось, не пришлось просить! Одно смущало: откуда Гидемин узнал об аудиенции? Ну да во дворце и у стен есть уши.

– В свою очередь, могу ли я тоже попросить тебя о крошечном одолжении? Ничего такого, – торопливо заверил он, – всего лишь вечер в дружеской компании. Я писал тебе…

– Да, я получил записку и крайне признателен за заботу.

– Тогда завтра, в восемь вечера, тебя устроит?

– Вполне.

– Тогда жду тебя завтра вечером. Девочки заедут за Евгенией к одиннадцати и вернут ее к обеду.

Глава 5

– Не зря, ох, не зря я женился на ведьме!

Матеуш довольно потирал руки, устроившись на дальней скамье бокового предела. Чтобы скрыть плутовскую улыбку, – не место ей в храме – он низко опустил голову, надвинул на лицо шляпу с петушиным пером, которую прикупил по случаю грядущей свадьбы.

– Я ведь сразу заподозрил: шлюшка из благородных. Потом и сама призналась – снюхалась с кузеном. Видимо, совсем никудышный был, пропащий, раз замуж с пузом-то не выдали. А то и вовсе развлекся и бросил. Покойница моя, даром образованная, – баба, а все они небольшого ума, сначала ноги раздвинут, потом голосят. Мужику-то что, какой с него спрос, кровь играет, а бабе честь надо блюсти.

Спохватившись, что подобные мысли не понравятся Хозяину солнца, Матеуш быстро осенил себя божественным знамением, забормотал слова молитвы. Он никогда не отличался набожностью, напротив, старался избегать храма («Эти священники так и норовят залезть честному человеку в карман»), но теперь вдруг преисполнился благодати. Требовалось на всякий случай задобрить божественных брата и сестру, чтобы рыбка не сорвалась с крючка. Пока Тесса вела себя тихо, но кто ж ее знает? Вдобавок, пораскинув мозгами, Матеуш решил-таки обзавестись письменным разрешением на брак. Что, если у Тессы в Кромхейме осталась родня и она попытается признать союз недействительным? Нет, тут нужно подстраховаться. Ну и после свадьбы скорей обрюхатить девку: так она точно никуда не денется.

Матеуш покосился на ряды надгробий, отделенные от молельного зала узорной решеткой. Под ними нашли покой именитые горожане. А вот отец Матеуша лежал в земле на кладбище бедноты, где на каждом метре могил больше, чем посетителей в таверне. И надгробия у него нет, только деревянная табличка. Но ничего, получив наследство падчерицы, Матеуш с почестями перезахоронит его в родовой усыпальнице. О Кафедральном соборе Солнца и Луны он не помышлял, довольствуется храмом поскромнее, хотя бы этим. А после, спустя много лет Ганс-младший похоронит в той же усыпальнице его, Матеуша, – должно же проклятое ведьминское отродье подарить ему сына.

– А после пусть помирает. Нужна больно, одни расходы!

Матеуш с тоской подумал о пяти талерах, истраченных на предсвадебные хлопоты. Часть пошла в карман священнику, часть – нотариусу, остальное – на наряды. Он расщедрился, не только себя порадовал обновками. Платье, правда, не новое, куплено у старьевщика, вдобавок Тессе не по размеру, зато с кружевами.

Наконец служба закончилась.

Служки торопливо закатили за позолоченную ширму изображение Бога, потушили лишние свечи. Матеуш довольно крякнул. Рачительный здесь священник, не тратит воск зря, не ошибся он с выбором.

Немногочисленные прихожане – мало кто наведывался в храм в будни, вдобавок днем – потянулись к выходу. Перед тем, как покинуть божью обитель, каждый опускал пальцы в специальный чан с янтарной водой, получая благословение Хозяина солнца.

Матеуш не спешил: дело деликатное, не для чужих ушей. В прошлый раз он чуточку приврал, чтобы добраться до денег Тессы, а сейчас придется раскрыть все карты. Однако Матеуш надеялся, весомый аргумент в виде туго набитого кошелька перевесит сомнения, священник выдаст необходимый документ.

– У тебя ко мне дело, сын мой?

Одинокая фигура привлекала внимание пастыря.

– Только не говори, что невеста передумала!

«Да кто ей даст передумать!» – мысленно хмыкнул Матеуш. Почтительно сняв шляпу, он низко поклонился и подобострастно приложился губами к перстню-печатке с изображением солнца на мизинце священника.

– С ней все хорошо, как условились, завтра предстанем пред вашими очами. Уж как Тесса волнуется, не дождется этого дня! Столько лет, бедняжка, мучилась, скрывала запретную любовь!

– Да-а, – согласно кивнул пастырь, – люди на такое косо смотрят: все же отчим и падчерица. Пожалуй, еще решить могут, будто ты ее соблазнил.

Он строго глянул на Матеуша: мол, признавайся, не блудил ли?

– И в мыслях не было! – замахал руками тот. – Она девица.

– Это хорошо, – довольно кивнул священник. – Невеста в день брака должна предстать пред людьми и богами непорочной. Однако что же тебя тревожит? Во время службы ты дергался, что-то бормотал.

Матеуш наморщил переносицу. Внимательный! А ведь он специально выбрал самый дальний ряд…

– Меня терзают мрачные мысли, святой отец. Как вы уже говорили, люди судят по себе, ищут в других тьму. Боюсь, как бы не поползли слухи, будто брак наш незаконен. Вдобавок родня моей будущей жены – на редкость пакостные люди. Им только повод дай, чтобы насолить ближнему. Словом, нужна мне бумага такая, где бы от лица Хозяина солнца разрешался союз отчима с падчерицей. Разумеется, – заметив, как нахмурился священник, поспешил добавить он, – я сделаю щедрое пожертвование храму. За счастье и заплатить не жалко.

Пастырь колебался. Взгляд его метался между кошельком и позолоченным солнечным ликом под потолком. Одно дело – поженить, пойти навстречу влюбленным, другое – скрепить печатью документ.

– Право, я ведь не прошу за других, только за себя, – продолжал увещевать Матеуш. – Не говорю за всех отчимов и всех падчериц.

– Хм…

Священник почесал подбородок.

Матеуш сжал кулаки. Ну же, ну! Эх, не могла бабка заранее предупредить, на кого все отпишет, тогда бы он не стал удочерять Тессу.

– Два талера, – зажмурившись, выдохнул Матеуш.

Если уж и теперь ничего не выйдет, то удача отвернулась от него. «В долги меня вгоняет, девчонка лаева! – с досадой подумал он. – Но ничего, я с нее с процентами все до последнего ария стребую!»

– Один, – священник проявил милосердие. – Один талер, и я выдам тебе бумагу с печатью Церкви.

Риза совсем прохудилась, стыдно службы проводить, как раз новую справит.

– Положи туда, в ящик для пожертвований. И запомни, сын мой, ты не заплатил мне ни монеты.

Матеуш активно закивал. Глаза его замаслились. Не переставая кланяться и благодарить Бога за милость, он попятился к ящику и ссыпал в него горстку меди.

– Жди здесь! – приказал священник и скрылся в амвоне.

Вернулся он с еще пахнущим чернилами свитком, в двух местах скрепленном печатью с солнцем.

* * *

– Видальте вы, она еще нос воротит! Такое платье! Сама королева бы не постеснялась надеть!

Несмотря на ворчание Лорны, Тесса не могла заставить себя улыбнуться, поблагодарить жениха за столь щедрый подарок. Она стояла на табурете посреди спальни Матеуша, самой большой и светлой комнаты в доме, и со страдальческой миной наблюдала за тем, как Ясмина, вооружившись булавками, подгоняет платье по фигуре.

Уже завтра… От одной мысли о грядущем замужестве бросало в холодный пот, но Тесса так и не придумала, как избавиться от отчима. Предусмотрительный Матеуш больше не выпускал ее к гостям. Днем за Тессой присматривала Лорна. Устроившись в уголке закопченной кухни, она не спускала с будущей невестки глаз, попутно делилась непрошенными советами. По ночам девушку и вовсе запирали в чулане, выделив ведро на случай «пикантных надобностей».

Тессу тревожил внезапный интерес отчима. Не такой он человек, чтобы воспылать греховной страстью, если Матеуш-Кошелек и любил что-то, то исключительно деньги. Между тем с утра к ним заглянул нотариус, составил брачный контракт. По нему все движимое и недвижимое имущество Тессы отходило супругу. Ей самой полагалось скромное содержание, каких-то три талера в год. В случае смерти или гибели мужа она могла претендовать на вдовью долю, остальное наследство отходило детям. Странные условия, будто Тессе было, чем нажиться! Сначала она решила, Матеуш печется о трактире, однако потом засомневалась. Многие женщины в их квартале, овдовев, ловко управлялись с питейными заведениями, да и не стоил трактир ничего без посетителей, сколько бы Тесса за него выручить? Нет, дело в чем-то другом. Еще месяц назад отчим в ее сторону не глядел, а тут вдруг: женюсь, не могу.

– Да не вертись ты!

Ясмина слизнула выступившую на месте прокола капельку крови. Она тоже не понимала брата. Положим, он не желал давать за падчерицей приданого, но зачем жениться? Мать твердила: дети, помощница, но разве с Тессой каши сваришь? По виду – чистая аристократка, даром в штопанном ходит. Опять же таз узкий, стан тонкий – ни рожать, ни трудиться толком не сможет. В постели… Тут племянница ее обскакала. Такую, как Тесса, мужчина захочет, даже Жюстен слюни пускал, когда она приносила ему пива. Собственно, поэтому брат и сделал ее подавальщицей – чтобы больше смотрели, а, значит, пили. Интересно, станет ли Матеуш требовать от молодой жены, чтобы она заигрывала с посетителями? Наверняка. Обрядит в открытое платье и заставит фланировать в жаркие деньки перед входом.

– Не позавидуешь девчонке!

Она не сразу поняла, что произнесла это вслух, прикрыла рот ладонью, но поздно, мать услышала.

– Да как сыр в масле она катается, себя бы пожалела!

И то верно, кусок хлеба доставался Ясмине тяжким трудом. Вдобавок беременность… Живота нет, а по утрам уже выворачивало. Спасибо, Ясмина вставала раньше всех, никто не видел, что кусок в рот не лез.

Хоть бы мальчик! Прикрыв глаза, она мысленно обратилась с просьбой к Хозяйке луны. Если Ясмина и теперь не сумеет, бросит ее Жюстен, найдет молодушку, которая десять пацанят ему родит. А ей куда с дочерьми, с позором вернуться в дом брата? Права мать, не Тессу надо жалеть, себя. Даже если девка помрет первыми родами, то в сытости, в тепле и при муже.

– На-ка!

Лорна, кряхтя, наклонилась и извлекла из-под подушки лакированную шкатулку. Среди «богатств», большей частью дешевых поделок с ярмарок, поблескивали сережки покойной матери Тессы, те самые, жемчужные, из прошлой, аристократической жизни. О ней Карен практически ничего не рассказывала, дочь знала только, что настоящая ее фамилия – Эско, а отца звали Иоганн. Он погиб в битве при Карсе, когда Тесса еще не родилась. Записался в наемники, думал, добыть немного денег, чтобы жениться на Карен, но не судьба. «Мы оба проклятые, – с горькой улыбкой говорила она о себе и возлюбленном. – Весь род отвернулся

от нас». Повзрослев, Тесса поняла, почему: близкородственные браки не поощрялись. А тут отчим вздумал жениться на падчерице… Где справедливость, почему его никто не проклял?

Порой, в минуты черной меланхолии, Тесса винила мать за малодушие. Даже если отец погиб, зачем она продалась Матеушу? Он ни богат, ни добр, уморил ее, вечно попрекал прошлым. Лучше бы они обе умерли, чем каждый день терпеть Матеуша Ласку!

А вот этого в шкатулке быть не должно. С чего бы отчиму прятать письмо? Тесса видела его мельком, но могла поклясться, печать не черная. Странно.

– Вот, на свадьбу наденешь!

Лорна протянула Тессе мамины серьги. Будто свои собственные. Хотя семейка Ласка давно присвоила то немногое имущество, что осталось от Карен. Продали и ее кольцо, подарок Иоганна, и платья. За ненадобностью Матеуш избавился от половины книг Тессы. Продал бы и остальные, но не сговорился о цене.

Ненавистное кольцо, символ будущих супружеских уз, сдавило палец. Стащить бы его, да никак, она уже пыталась, будто в кожу вросло. То ли Матеуш зачаровал, то ли не угадал с размером.

– Ну что стоишь, примерь!

Тесса не сразу сообразила, чего от нее хотят, а потом покорно вдела серьги в уши.

– Покрутись!

Лорна довольно взирала на Тессу в несуразном старомодном платье. Хороша! А что характер вздорный, так она займется ее воспитанием. Свекровь не приемная бабка, прав у нее куда больше.

– Волосы бы еще твои срамные чем-то прикрыть, а то храм спалят. Ясмина, принеси мой платок. Тот, который отец на годовщину дарил.

Ясмина кивнула и поспешила в комнату матери.

– После свадьбы тоже волосеньки прячь, – наставляла Лорна. – Ведьмины они. Знаешь, что с ведьмами делают?

– Знаю, – тяжко вздохнула Тесса.

Вот бы они все сгинули раз и навсегда: и Матеуш, и его сестрица, и бабка!

«Я могу помочь», – неожиданно раздался в голове бархатистый голос.

Тесса сдвинула брови.

«Кто ты?»

«Ларин», – представилась незнакомка. Демоница, само собой, ведь только демоны без спроса являются в головы людей, сбивают их с истинного пути. Однако Тесса нашла в себе мужество отказаться: «Благодарю, Ларин, я справлюсь сама».

«Как знаешь! – с легким сожалением ответила демоница. – Обращайся, если передумаешь».

И вступить в Темный ковен? Тогда Тессу точно казнят! Магия исвердов разорвет ей сердце. Тело заледенеет, и палач разобьет его на тысячи кусочков.

Странно, она нисколько не испугалась нежданной гостьи, не закричала, ничем не выдала себя, будто каждый день общалась с потусторонним. А ведь Тесса не прошла инициацию, не стала полноценной ведьмой. В чем именно она заключалась, девушка точно не знала, Карен упоминала лишь первую кровь с мужчиной.

– Я никак не могу найти платок, мама! – послышался из коридора приглушенный голос Ясмины.

– Вот ведь слепая! – недовольно пробурчала Лорна. – Ничего без меня не может, непутевая!

– Стой здесь! – пригрозила она Тессе и, кряхтя, поспешила на помощь дочери.

Девушка ненадолго осталась одна. С минуту она действительно смирно стояла на табурете, но затем решила взглянуть, что за письмо прячет отчим. Быть пойманной с поличным

не боялась: под тяжелыми шагами Лорны всегда скрипели половицы, Тесса заранее услышит, залезет обратно. Напряженно прислушиваясь, она дрожащими руками потянулась к шкатулке. Впопыхах брошенная Лорной на кровати, та оказалась легкой добычей. Замочек открыт, никто не мешает ознакомиться с содержимым.

Плотный конверт цвета жженого сахара холодил пальцы. Тесса в задумчивости уставилась на сломанную печать – красная, с изображением зверя, кусающего себя за хвост. Какого именно, не разобрать.

Содержимое письма оказалось занятнее печати. Тесса растерянно мысленно повторяла: «права наследства», «покойная леди Элла Эско», «замок Вороний утес и прочие угодья».

Бумага выпала из рук.

– Так вот в чем дело!

Тесса быстро перечитала письмо, заучивая наизусть, и убрала обратно в шкатулку. Ее колотила крупная дрожь. Кулаки сжимались от ярости, сердце раздирала печаль. Бабушка, единственный родной человек на этом свете, уплыла к предкам, и никто, абсолютно никто не обмолвился об этом Тессе ни словом! Зато отчим жаждал присвоить негаданное наследство. Волей судеб Тесса оказалась последней женщиной в роду Эско, и бабушка, покаявшись в содеянном много лет назад, описала ей все. Существовала одна маленькая загвоздка – вступить в права наследования Тесса могла только после замужества.

– Так вот для чего брачный контракт!

Тессу переполняла ненависть к отчиму. Мерзавец, он собирался нажиться за ее счет! Матеуш и прежде вызывал в ней брезгливость, а теперь и вовсе утратил в ее глазах человеческий облик.

Окно! Тесса метнулась к нему, подняла скрипучую раму. Если Хозяйка луны на ее стороне, она не разобьется.

В коридоре послышалась тяжелая поступь Лорны. По обыкновению, она опять бранила дочь. И Тесса решилась, забралась на подоконник и шагнула в неизвестность.

* * *

– Пожалуйста, ожидайте, его величество занят.

Напыщенный секретарь едва взглянул на посетителя и вновь погрузился в ворох бумаг.

Рудольф огляделся и опустился в одно из кресел, в хаотичном порядке расставленных в приемной. Кроме него аудиенции ожидали еще двое: нервный господин в черном сюртуке явно с чужого плеча, постоянно поправлявший сползавшее с носа пенсе, и скучавший у окна офицер. Оба были Рудольфу не знакомы, обоих он счел ниже себя по происхождению, поэтому не удостоил приветствием. Взгляд его рассеянно блуждал по стенам: на всех изображены горы. Мысли неизменно возвращались к сестре. Рудольф тревожился за Евгению. С ней сейчас дочери Гидемина… Возможно, через несколько минут решится ее судьба.

Наконец матовая поверхность зеркала связи на столе секретаря дрогнула. Тот встрепенулся и услужливо открыл дверь в святая святых – королевский кабинет:

– Ваше сиятельство, прошу вас!

Просители впились взглядами в Рудольфа. Офицер несмело шагнул к нему, но на полпути раздумал, звякнув шпорами, молчаливо отдал честь и вернулся к созерцанию вида за окном.

«Ну вот, теперь меня уважают просто за наличие титула», – промелькнуло в голове Рудольфа. Развивать мысль он не стал, впрочем, она не казалась ему чем-то неприятным. Алексаи всегда занимали высокое положение в общества, мало кто мог их превзойти.

– Рад, искренне рад, что вы вернулись, Рудольф!

Король встретил его рукопожатием. Он поднялся, вышел из-за рабочего стола – знак особой милости. Выходит, речь пойдет о награде – ложка меда в бесконечной бочке дегтя последних недель.

Рудольф почтительно поклонился и пожал протянутую руку. Ладонь Людвига Десятого, разумеется, оказалась сверху.

– Присаживайтесь! – Король указал на небольшой кожаный диван рядом с камином. – Что-нибудь выпьете? Кофе, чаю?

– Благодарю, я недавно позавтракал, ваше величество.

Излишнее радушие короля настораживало. Уж не собирался ли он вновь поручить ему какую-то шпионскую миссию?

– Тогда сразу приступим к делу.

Улыбка сошла с лица короля. Он не спеша опустился в кресло по другую сторону камина, так, чтобы оказаться лицом к лицу с собеседником.

– Я очень доволен вами, Рудольф. Скажу больше, вы превзошли мои самые смелые ожидания. Ваши доклады… Родина весьма обязана вам.

– Служу отечеству.

Рудольф скромно потупил взор.

– И очень хорошо служите. Как все в вашем роду.

Король немного помолчал и рассеяно провел пальцем по едва заметной светлой щетине.

– Я не стану требовать от вас доклада. Составите по всей форме позже, пришлете на адрес моей канцелярии. Есть гораздо более важные вопросы, требующие безотлагательных действий. Насколько вам известно… Или неизвестно, – тут же поправился он, – ведь вы вернулись совсем недавно, наш посол в Иландрии скоропостижно скончался. Нелепый несчастный случай!

Король в досаде ударил себя по бедру.

– Несчастный случай? – в сомнении переспросил Рудольф.

Чутье подсказывало, что случайная смерть и посол плохо сочетаются.

– Да, провалился в прорубь на охоте.

– Возможно, ему помогли.

– Возможно, хотя Эдуард Башид и весь его двор в один голос клянутся, что это не так. Они даже вызвались доставить его тело на родину, засыпали несчастную вдову подарками, лишь бы только не давать повода к войне. Сами знает, Эдуарду сейчас не до нее.

Рудольф кивнул. Иландрия переживала не лучшие времена. Королевская власть пошатнулась, наследник от первого брака слаб, а во втором, скандальном, после которого Аверден едва не разорвал дипломатические связи с соседом, родились две дочери. В итоге страной фактически правил Совет пяти. Масла в огонь подливала странная женщина, которая якобы занималась лечением принца, а по факту активно вмешивалась в государственные дела.

– Словом, посла в Иландрии у нас нет, и я хочу, чтобы вы заняли вакантную должность.

– Простите, ваше величество, это высокая честь, но, боюсь, у меня не достанет опыта…

– Именно ваш опыт мне и потребуется. Займетесь знакомым делом – соберете сведения на Кристину Морей и ее ведьму. Я хочу знать, виновны ли они в смерти Ирвин. Знаю, знаю, – король поднял руку ладонью вверх, пресекая возражения, – проведенное пять лет назад расследование подтвердило, что леди Морей не причастна к кончине принцессы, но я хочу еще раз убедиться. Вдобавок там, где возле трона крутится ведьма, полезно иметь шпионов.

– Как прикажете, ваше величество.

– Это еще не все. Я хочу выдать вашу сестру за принца Огюста.

Рудольф не сдержал короткого истеричного смешка. Евгения грезила о кронпринце – вот и сбудется ее мечта. Только вряд ли она придет в восторг от Огюста Иландрийского. Во-первых, он ему всего пятнадцать. Во-вторых, мало найдется недугов, которые бы не терзали несчастного принца.

– Сами понимаете, мы не можем допустить, чтобы соседний трон достался плоду дичайшего мезальянса. Иландрия необходима нам в качестве союзника и торгового партнера, у власти должны стоять наши люди.

– Не беспокойтесь, ваше величество, Евгения произведет на свет здорового наследника, ну а позабочусь, чтобы его окружали достойные люди.

– Рад, что вы читаете мои мысли, Рудольф! Полагаю, мы можем организовать помолвку прямо сейчас, ну а свадьбу… В особых случаях сочетаться браком разрешают с шестнадцати лет, осталось подождать меньше года. Заодно приглядитесь к Совету пяти. Возможно, кого-то придется убрать.

Рудольф мысленно вздохнул. Покой ему только снился! Новое поручение оказалось не менее опасным, чем прежнее.

– Я проявлю максимальную осторожность, ваше величество. Каким образом мне переправлять полученные сведения?

– Через первого секретаря нашего посольства. Смело обращайтесь к нему по любой надобности.

Король повертел перстень на пальце.

– Было еще что-то… Ах да! – Лицо его просияло. – Новые обстоятельства накладывают на вас обязательства. Я не тороплю вас с выбором, не предлагаю конкретных кандидатур, но хотел бы, чтобы род Алексаи не прервался. К тому же по негласной традиции послы – сплошь женатые люди. Ну, чтобы не давать почву для скандалов. Так что очень надеюсь, что до своего отъезда в Иландрию вы представите двору будущую графиню фон Алексаи.

Рудольф заскрежетал зубами и через силу заставил себя произнести:

– Постараюсь оправдать ваши ожидания.

Задница Лая, он не собирался жениться! Но если с матерью можно притвориться глухим, то с королем не поспоришь, особенно после столь щедрого подарка в виде грядущего родства с двумя королевскими родами сразу.

Глава 6

Дисгармоничные звуки клавесина, терзаемого Франческой, ударами молота отзывались в голове и грозили перерасти в мигрень. Однако Рудольф, как положено воспитанному человеку его происхождения, сдержанно улыбался, поощряя музыкальные опыты старшей дочери Гидемина. Раскрасневшаяся то ли от наигранного, то ли натурального смущения, она то и дело посматривала на него, будто испрашивала одобрения: ну как, я хороша?

Младшая сестра, Лотта, вертелась тут же, переворачивала Франческе ноты и ждала момента, чтобы продемонстрировать свои таланты. Кажется, она поет – Рудольф слушал Гидемина в пол-уха и упустил этот момент. Для него вообще стало неприятным открытием, что рюмочка шерри тета-тет переросла в самый настоящий семейный ужин с последующим бесплатным представлением.

– Как она прекрасна!

Амалия фон Эрде смахнула материнскую слезу и с нескрываемой гордостью посмотрела на дочь. Рудольф придерживался иного мнения, но кивнул.

Глядя на Франческу, хотелось спать. Посредственность во всем, начиная от внешности, заканчивая талантами. Вытянутое лицо, светлые глаза с бесцветными ресницами, отчего казалось, будто их вовсе нет. Выщипанные тонкие бровки, гладко зачесанные на макушку и собранные в тугой пучок белые волосы. Не яркие, слегка уходящие в синеву, а, наоборот, с серым, грязноватым отливом. Рудольф догадывался, букли по бокам накладные. Нелепая прическа! А эти многочисленные банты… Складывалось впечатление, будто Франческа вообразила себя новогодним подарком.

Не замечая расфокусированного взгляда собеседника, Амалия восторженно продолжила:

– Наша старшая брала уроки у самой ислы Амариллис!

Пришлось изобразить удивление, сложив губы в форме буквы «о». Хотя изумиться действительно было чему. Ислу Амариллис единственную из полукровок принимали во всех великосветских гостиных. Многие исверды считали за честь видеть ее у себя. Все благодаря ее музыкальному таланту. Правда, Рудольфу не доводилось слышать, чтобы пианистка давала частные уроки. Но даже если она брала учениц, Гидемин зря потратил кругленькую сумму: какофония Франчески не имела ничего общего с искусством.

– Я слышала, прежде вы тоже увлекались музыкой, – не унималась Амалия.

С тех пор, как Рудольф переступил порог особняка фон Эрде, она не отходила от него ни на шаг, засыпала вопросами о матери и сестре и при каждом удобном и неудобном случае расхваливала дочерей, особенно Франческу. Ее погодок Лотта тоже не оставалась в тени. Все это до боли напоминало сватовство.

– Боюсь, вас ввели в заблуждение, палаэри. Я безумно далек от мира искусства. Если вам хочется обсудить музыку или живопись, обратитесь к Евгении.

Рудольф повертел головой в поисках Гидемина, но тот словно сквозь землю провалился. Внутри постепенно нарастало раздражение. Вот тебе и старинный друг отца! Обычный сводник, вон он кто! Решил пристроить одну из своих дочерей за новоиспеченного графа, а то и вовсе прознал о королевских матримониальных планах. Последние тревожили Рудольфа гораздо больше разыгрываемой на его глазах комедии. Почему вдруг Евгения? Если королю так требовалось вновь породниться с домом Башидов, он мог бы отдать в жену наследному принцу свою вторую племянницу. Она подходящего возраста, всего на год старше Огюста. Не подошла бы Эрнестина Генриетта, у той же герцогини Несшвишской младшая дочь на выданье, но нет, король потребовал Евгению.

Сообразив, что звуки клавесина смолкли, Рудольф энергично зааплодировал. Лишь бы Франческа не принимала его похвалу за чистую монету, не вздумала порадовать очередной

коротенькой пьесой минут на сорок! Но нет, больше никаких рондо – Лотта потеснила сестру, собираясь блеснуть собственными талантами.

Взгляд Рудольфа скользнул по длинной девичьей шее, вниз, к двум выдающимся выпуклостям, стыдливо прикрытым волнами газовой ткани. В сравнении с Франческой Лотта… аппетитна, а ведь она младше, ей всего семнадцать. Однако лицо такое же некрасивое, пусть и оживленное улыбкой пухлых розовых губ.

– Вам следует жениться, – вполголоса повторил Рудольф настойчивое пожелание короля.

– Что, простите? – нахмурившись, переспросила Амалия.

К счастью для Рудольфа, пение Лотты заглушило его слова.

– Я всего лишь хотел поинтересоваться названием музыкального произведения, – выкрутился он.

На самом деле ему было плевать, один романс мало отличался от другого. Но бренчала Лотта сносно, очевидно, потому что не претендовала на звание виртуоза. Пела… Как все юные особы. Обычно к двадцати пяти годам они забывали о музыке, но по молодости тешили себя иллюзиями.

Пропустив ответ Амалии мимо ушей, Рудольф раздумывал, мог бы он жениться на Лотте. Если строго-настрого запретить пение и игру на клавесине, предаваться с ней исключительно плотским утехам… «А если она окажется стыдливой и безынициативной? Тебе ведь и заняться с ней больше нечем – Лотта тупа, как ее старшая сестрица. Вся в маменьку!» В отношении последнего Рудольф не погрешил против истины. Увы, баронесса Амалия Лаура фон Эрде не могла похвастаться ничем, кроме приданого и родословной, восходящей к одному из первых королей Авердена. Даже долгожданный – после двух-то дочерей! – наследник, и тот скончался во младенчестве. Зачать нового Гидемин не пытался. Рудольф его понимал: тяжело испытывать влечение к женщине с лошадиным лицом, ростом с гвардейца и глазами как у рыбы, вдобавок плоской как доска.

«Давай честно, ты ни на ком не хочешь жениться».

Что верно, то верно. Не на дочках Гидемина уж точно! Если Рудольфу суждено продать свою свободу в обмен на дипломатическую карьеру и прочие милости короны, он выберет себе кого-то получше. Как с такой уродиной выходить в свет, какие дети от нее родятся? Нет, нет и нет, ни Франческа, ни Лотта не станут графиней фон Алексаи.

– Фанни, милая, тебе не кажется, что стало душно? – Амалия улыбнулась приунывшей дочери.

Та задумалась на мгновение и покачала головой.

– И все же приоткрой окно. Или нет, стой! – остановила она направившуюся к окну дочь. – Принеси мне веер. Тот, с перьями. А я пока выясню, куда запропастился ваш отец. Сдается, – Амалия лукаво подмигнула Рудольфу, – он тайком наслаждается запасами буфетной.

Напевая мелодию известного романса, она неспешно поплыла к выходу. За ней с видимой неохотой последовала старшая дочь. Возле самых дверей Амалия остановилась, кинула быстрый взгляд через плечо и что-то шепнула Франческе на ухо.

Рудольф и Лотта ненадолго остались одни. Девушка замолчала и шумно вздохнула, отчего ее формы пришли в движение, кокетливо приподнялись.

– Ах, маменька права, тут не только душно, но и нестерпимо жарко. Все потому, что камины топят люди, а не спиры. Если дальше так пойдет, у меня случится удар.

Опустив крышку инструмента, Лотта поднялась и вскрикнула, прижав ладонь к груди:

– Ай, кажется, булавка вошла под кожу! Нужно немедленно ее вытащить.

Рудольф раскусил ее задумку. Он полагал, Лотта попросит его о помощи, и заранее предвкушал гримасу досады на ее лице после отказа. Увы, Амалия и ее младшая дочь оказались куда изобретательнее. Ловкие девичьи пальцы торопливо расстегнули крючки, потянули за

ленты, и пышная грудь Лотты предстала перед Рудольфом во всем великолепии. Разумеется, на ней не было ни кровинки.

– Что вы делаете? – нахмурился он, когда Лотта, одной рукой, для вида, прикрывая грудь, легла на клавесин и взбила себе юбки до бедер.

– Вы меня скомпрометировали, вот что. Маменька и сестра подтвердят, вы меня вожделели и, воспользовавшись случаем, попытались овладеть.

В это время отворилась дверь, явив баронскую супружескую чету. За их спинами маячила мрачная Франческа.

Словно ко команде, Лотта подскочила и, заливаясь фальшивыми слезами, принялась приводить себя в порядок. Этого Рудольф вынести уже не мог. Одно дело – сватовство, другое – принуждение к браку.

– Не ожидал от вас! – сверкнув глазами, бросил Рудольф в лицо Гидемину.

– Я тоже. Обесчестить мою дочь в моем же собственном доме!..

Сквозь маску возмущения пробивалась довольная улыбка. Теперь Рудольфу не отвертеться, он женится на Лотте! Хорошо жена все придумала, как чувствовала, что обычным путем с фон Алексаи не породниться.

Франческа ни рожи ни кожи, а вот Лотта… Даром младшая, смелая, честолюбивая, удачно разыграла свой козырь.

– Ваша дочь – лгунья! Меня не интересуют ее прелести, пусть предложит их кому-то другому.

Рудольф с трудом удерживался от грубости. Он вихрем пронесся мимо хозяина и его растерянной супруги, оттолкнув Франческу, сбежал по лестнице в холл.

– Пальто, коня! Быстро!

Он не задержится в этом доме ни минуты.

– Постой, Рудольф, ты обязан!.. – словно в тумане, донесся до него голос Гидемина с площадки второго этажа. – Моя дочь…

– К Лаю вас и ваших дочерей! – взорвался Рудольф. Кровь пульсировала в висках, налила багрянцем его бледное лицо. – Я лучше умру, чем прикоснусь к одной из них! Тупые курицы! Развратные уродины! Дурак тот, кто возьмет их в жены!

Наконец подали пальто и перчатки. Он с облегчением выскочил на свежий воздух и в снежном вихре унесся прочь.

Кровь по-прежнему бурлила в жилах. Рудольф летел сломя голову, нещадно нахлестывая коня. Улицы, дома, фонари слились в одно размазанное пятно. Ветер морозцем хлестал по щекам, пробирался сквозь одежду, решив потягаться с ледяным даром. Закусив удила, конь несся по мостовой, разгоняя прохожих. Они порскали из-под копыт, шептались: «Ненормальный!»

Рудольф ничего не замечал. Ни того, как едва не снес праздничную палатку, ни того, как опасно скользили, выбивали ледяные искры копыта коня. Он едва ли сознавал, где находится. Чувства отмерли, осталось только одно, алой пеленой застилавшее глаза.

Знал ли Гидемин, участвовал ли в отвратительном дамском заговоре?

К ярости присоединялась брезгливость.

Как низко пала Лотта, и все лишь бы стать графиней, в качестве жены посла уехать в Иландрию! Как легко, без тени стыда оголилась! Оставалось только снять панталоны и раздвинуть ноги – вылитая уличная девка. И кто, дочка фон Эрде!

– Кому можно доверять, если даже близкие и былые друзья предают! – в сердцах вопросил Рудольф мироздание.

Уехать, уехать немедленно! В пику всем жениться на самой неприметной, бедной «серой мыши»…

– Ай!

Испуганный женский крик вспышкой молнии ворвался в сознание. Рудольф инстинктивно натянул поводья, подняв коня на дыбы. Тот заржал, слишком сильно отклонился назад, только чудом не упал, не придавил собой седока.

На мостовой лежала девушка. Сначала Рудольфу почудилось, он убил ее, но вот она застонала, открыла зажмуренные от ужаса глаза. Пошевелившись, девушка сцедила воздух сквозь плотно сжатые зубы и аккуратно коснулась лодыжки. Юбка задралась, обнажив спущенный дешевый чулок. Словно завороженный, Рудольф смотрел на оголенную полоску кожи, а потом сообразил, что его конь все еще балансирует на двух ногах. Он аккуратно опустил его на мостовую подле девушки. Ей повезло, еще бы мгновение!..

– Осторожнее надо быть! – сердито буркнул Рудольф, хотя злился он больше на себя, не на нее.

– Я поскользнулась. Там лед.

Девушка указала на тротуар. Он действительно обледенел, вдобавок в этом месте устроили скос, чтобы экипажам было удобнее выезжать из ворот. Очевидно, девушка не удержалась, съехала на мостовую и упала. Об этом свидетельствовала ее поза: она лежала поперек дороги, ногами касаясь бордюрного камня.

Симпатичная, молодая, не старше Евгении. А еще… Он глазам своим не поверил, на незнакомке было свадебное платье!

– Вы сбежали с собственной свадьбы?

Любопытство заставило Рудольфа спешиться, на время забыть о пережитом унижении. Не каждый день под копыта его коня кидались невесты!

– Мм… Нет, – с легкой запинкой ответила девушка и испуганно оглянулась, будто опасалась преследования.

– Вы повредили ногу при падении?

Рудольф указал рукоятью хлыста на ее лодыжку.

– Да, то есть нет. Все в порядке!

Девушка торопливо подтянула чулок и одернула юбки. На ее щеках проступил румянец, настоящий, не наигранный.

«Она не палаэри, – сходу определил Рудольф. – Даже не полукровка». Раз так, следует попрощаться и продолжить путь. Девушка цела, сама заверила, с ней все в порядке… Но вместо того, чтобы уехать, Рудольф зачем-то предложил:

– Час темный, на улице полно лихих людей, могу ли я отвезти вас домой?

– У меня больше нет дома, – разом помрачнев, покачала головой девушка.

Рудольф протянул ей руку, чтобы помочь встать, но она отпрянула от нее словно от ядовитой змеи.

– Я не такая!

Сверкнули отразившие свет фонаря изумруды глаз.

– Какая? – опешил Рудольф.

– Сами знаете.

Девушка медленно, чтобы не потревожить больную ногу, поднялась. Она опасалась опираться на нее – выходит, повреждение серьезное.

– Я даже не думал, просто хотел вам помочь.

– Помочь?

Девушка окинула его скептическим взглядом.

– Не хочу вас обидеть, палаэр, но люди вашего круга помогают таким, как я, исключительно с одной целью. И если уж я отказалась стать добропорядочной женой, любовницей тем более не стану.

Она вела себя странно, одновременно боялась и бросала вызов. Вдобавок ее волосы… Сначала Рудольф решил, что ему показалось, но затем убедился, они действительно красные, цвета недоспелой вишни. Таких в Авердене ни у кого не было.

Рудольф терялся в догадках, кто же она. Выговор правильный, для великосветской гостиной, а не для пивнушки. Вместе с тем в девушке нет магии льда, ее волосы – лучшее тому доказательство.

– Значит, вы все-таки собирались выйти замуж, маленькая обманщица! – добродушно рассмеялся он, поймав собеседницу на лжи.

– Меня собирались выдать замуж, это не одно и то же. А теперь прощайте, палаэр, благодарю за содержательную беседу.

Подхватив подол испачканного свадебного платья, прихрамывая на левую ногу, она утиной походкой направилась в сторону Атласной улицы. Рудольф не сводил взгляда с ее горделивой, идеально прямой спины. «Почему не она? – промелькнуло в мозгу. – Ты только что грозился жениться на первой встречной, и вот судьба толкнула ее под копыта твоего коня».

– Постойте! Госпожа!

Рудольф вскочил в седло и за считанные минуты догнал девушку. Она явно была недовольна его назойливым вниманием, однако промолчала.

– Постойте! – осадив коня, повторил Рудольф. – У меня действительно есть к вам дело. Не беспокойтесь, оно не предполагает интимной связи.

– Вам требуется домоправительница? – предположила девушка.

Черты лица ее смягчились, тело расслабилось.

– Почти – компаньонка для сестры.

Рудольф предпочел соврать, не шокировать ее своим предложением. Она бы точно сбежала, приняла бы его за сумасшедшего.

– Компаньонка?

Девушка на мгновение задумалась и покачала головой.

– Боюсь, я недостаточно образована.

– Заверяю, именно такая компаньонка и требуется. Мне же нужен человек, который проследит за нравственностью сестры. Вы красноречиво доказали, что цените женскую честь.

Заслышав какой-то шум, девушка скороговоркой выпалила:

– Я согласна, только немедленно увезите меня отсюда!

Рудольфа не пришлось просить дважды. Он ловко обхватил ее за талию, усадил впереди себя и пришпорил коня.

Из-под копыт вновь полетела ледяная крошка.

Если бы Рудольф обернулся, то увидел группку людей с факелами в руках, пытавших о чем-то продавца жареных каштанов. Но он не оглядывался, крепко сжимал в объятиях свою добычу. Вблизи она оказалась еще симпатичнее. Куда там Лотте!

Девушка часто, шумно дышала. Такая горячая! Грудь высоко вздымалась под его ладонью – Рудольф случайно позволил себе лишнее, но не спешил исправлять ситуацию. Однако незнакомка придерживалась иного мнения:

– Пальцы ниже, палаэр!

И он подчинился, пусть и с видимой неохотой.

– Вам не холодно? – заботливо поинтересовался Рудольф и, распахнув пальто, укутал им девушку.

Конечно, ей холодно, ведь на ней только свадебное платье! А жар наверняка от начавшейся лихорадки.

Ай! Что-то впилось в его руку, будто пчела ужалила.

– Простите, булавки, – смущенно пояснила девушка. – Их тут много.

– Так давайте их уберем?

Рудольфа не прельщало незапланированное иглоукалывание.

– Боюсь, тогда платье упадет. Оно не по размеру. Мой…

Поколебавшись, она продолжила:

– Мой жених не пожелал тратиться, купил у старьевщика.

Мысли Тессы, а это была именно она, обратились к отчиму. О, в какой он сейчас ярости! Матеуш ведь спал и видел себя лордом. Если бы не нога, Тесса давно покинула город, но, увы, приземлилась она не лучшим образом. Пришлось прятаться там, где ее вряд ли станут искать – в богатых кварталах. Однако Матеуш подсуетился, его поисковая команда быстро вышла на след. Виной всему приметное свадебное платье!

Тесса искоса глянула на Рудольфа. Можно ли ему доверять? С другой стороны, разве у нее есть выбор? Дом родовитого исверда – идеальное укрытие. В том, что ее спаситель из знатного рода, Тесса не сомневалась. Может, она и выросла в задних комнатах трактира, но умела отличить качественную шерстяную ткань от дешевки. Вдобавок от мужчины вкусно, дорого пахло. Не банальным еловым или даже лавандовым мылом, а засахаренными фруктами.

Компаньонка. Пожалуй, она справится. Это ведь не учительница, никто не заметит огрехов в ее образовании. Компаньонка – тень госпожи, ей положено молчать и соблюдать внешнюю благопристойность. Переждет грозу и, когда отчим угомонится, решит, будто ее продали в бордель, либо прикопали в канаве, отправится в Кромхейм, к могилам предков и больше не вернется в Аверден.

– Дурак! – припечатал Матеуша Рудольф. – Красивой картине красивая рама.

– Боюсь, его мало волновала моя красота. В одном бедные и богатые похожи, палаэр – всем требуется наследник. Мой жених стар, а я молода…

– Отвратительно! – поморщился Рудольф.

– Не более, чем династические браки, палаэр. Разве в вашей среде так не принято?

Он промолчал. Снова вспомнились смотрины дочек Гидемина, выходка Лоты… Она права, брачные игры в среде аристократов не лучше попытки выдать ее за старика. Будто короли на пороге могилы не искали себе молоденьких!

– Как ваше имя? – уже свернув на Королевский бульвар, поинтересовался Рудольф.

Должен же он как-то представить ее сестре.

– Тесса.

Рудольф не видел, почувствовал, что она улыбнулась.

– А я граф.

Вышло по-дурацки, с языка сорвалось.

– Просто граф?

– Нет. – Пришло время Рудольфа покраснеть. – Рудольф Алистер ард Лерган, пятый граф фон Алексаи, лендлорд Сорро к вашим услугам.

– Как длинно! У вас столько имен, а у меня всего одно.

– Можете называть меня палаэр Рудольф. Ваше сиятельство – это как-то… Словом, для слуг.

– Хорошо! – с легкостью согласилась Тесса.

Он опасался напугать ее громкой фамилией, но девушка восприняла ее на редкость спокойно. То ли никогда не слышала об Алексаи, то ли действительно не придавала этому значения. Особняк тоже не вызывал у нее приступа восторга, хотя вряд ли Тессе прежде доводилось бывать в таких местах. Пока Рудольф договаривался с домоправительницей о комнате для гостьи и посылал за врачом, она молча, с легкой скукой разглядывала холл. Удивительное создание! И самое лучшее событие за весь воистину гадкий день.

Глава 7

– Ты надумал жениться? – насмешливо поинтересовалась за завтраком Евгения.

По сравнению со вчерашним днем она выглядела бодрой и довольной жизнью. Задумчивая улыбка то и дело гуляла по ее губам.

Рудольф рассеянно взглянул на сестру.

– С чего ты взяла?

– Женщина в свадебном платье – всегда к браку. – Евгения провела пальцем по ободку чашки. – Кто она? Домоправительница сказала: замарашка. Вот уж не думала, что ты подберешь жену с улицы! Похвальное человеколюбие!

Она хихикнула, а Рудольф поймал себя на мысли, что не прочь отвесить сестре пощечину. И не только за злобную насмешку, сквозившую в каждом ее слове, – за пачку писем, перевязанных алой лентой, которую доставил спозаранку курьер из дворца. Рудольф бегло просмотрел некоторые и чуть не сгорел от стыда. Они… Сложно сказать, кто хуже: Евгения или Лотта. Последняя оголилась ради выгодного замужества, тогда как сестра выставляла свои фантазии напоказ безо всяких ожиданий. Рудольф оказался неприятно поражен ее развязностью. «Ах, всякий раз при мысли о вас груди мои наливаются и нестерпимо болят!» и прочее в том же духе. Письма предназначались кронпринцу Мануилу. К его чести, он на них не отвечал, а фантазии Евгении свидетельствовали о крайне поверхностном знании предмета, но даже так это было слишком!

– Скоро ты в полной мере удовлетворишь свое любопытство. Тесса станет твой компаньонкой.

– Компаньонкой? – шокировано переспросила Евгения, нарушив незыблемое правило: не говорить с набитым ртом.

– Именно. Ты жаловалась, что я запер тебя в тюрьме. С ней ты сможешь беспрепятственно перемещаться по городу.

Рудольф полагал, сестра обрадуется, но на ее лицо набежала тень. Губки недовольно поджались.

– Мне не нужна подобная компаньонка. Она… Она обычный человек!

– Вот уж не думал, что ты снобка! Да и как ты определила состав ее крови, по рассказу домоправительницы?

Которую придется уволить за слишком длинный язык.

– У нее слишком яркие волосы, вдобавок исверды нищими не рождаются.

Рудольф со снисходительной улыбкой покачал головой:

– Как же ты наивна, Эжени! Десятки благородных родов разорились. Увы, кровь не гарантия богатства.

– Все равно она мне не подходит, – упрямо гнула свое Евгения. – Я прекрасно могла бы выезжать в свет с Франческой и Лоттой, раз уж ты не желаешь отпускать меня одну. Между прочим, – она лукаво стрельнула глазами по лицу брата, – вчера мы только и говорили, что о тебе.

Пришло время Рудольфа стать темнее тучи. Сестра напомнила ему об отвратительной сцене, разыгравшейся вчера в доме Гидемина. Отвратительной для обеих сторон: прислуга наверняка что-то видела, и теперь имя Лотты станут трепать на каждом углу. По-хорошему Рудольфу полагалось жениться на ней, раз он вовремя не отвернулся, не прикрыл глаза, но его трясло от одной мысли о том доме. Однако объяснения с Гидемином не избежать. Он может потребовать жениться. Законный способ отказаться – сослаться на помолвку. Напрасно Евгения шутила о его браке с Тессой, вчерашняя сумасбродная идея сегодня виделась вполне здравой. Разумеется, речь пойдет о фиктивном союзе. Затем, когда страсти улягутся, сестра благо-

получно выйдет за принца Огюста, а он передаст должность посла кому-то другому, Рудольф объявит брак недействительным (при отсутствии супружеских отношений это несложно) и вступит в повторный союз с подходящей по крови.

– Впредь я запрещаю тебе общаться с дочерьми барона фон Эрде. Не желаю видеть этих особ у себя дома.

Серые глаза Евгении широко распахнулись.

– Что вчера произошло, братец? Ты явился домой злой как демон в компании девицы со сломанной ногой…

– Ничего.

Рудольф не собирался вдаваться в подробности.

В столовую вошел дворецкий с серебряным подносом.

– Письма, ваше сиятельство. Изволите просмотреть сейчас?

– Да, – он уцепился за возможность избежать продолжения неприятного разговора.

Хватит с него грядущей бурной реакции Евгении на замужество! В том, что она закатит скандал, Рудольф не сомневался, однако не собирался тянуть. Чем раньше узнает, тем быстрее смирится.

– Задержись! – приказал Рудольф сестре, заметив, что она собирается встать.

Евгению снедало любопытство. Что же случилось вчера? Брат такая бука! Впрочем, ничего не мешало ей тайком послать записочку Франческе. Милая девушка, главное, глупа как пробка – идеальная подруга и будущая невестка. Франческа по секрету шепнула, что отец собирался устроить ее брак с Рудольфом: «Главное, ему понравиться». Видимо, не понравилась, раз он притащил домой… как ее?.. Тессу. Больная нога – повод зайти, справиться о здоровье, заодно вывести ее на чистую воду.

– Странно…

Рудольф перечитал верхнее письмо и положил его рядом с подставкой для яиц.

– Рамон Иварса пропал без вести.

– Кто пропал? – наморщила носик Евгения.

Ей не терпелось выйти из-за стола и поговорить с Тессой. Правда, что у той красные волосы? Прежде Евгения не встречала никого с красными волосами, наверняка Тесса их красит. Тогда понятно, где ее подцепил братец! Но совершенно неясно, зачем было тащить сомнительную подружку с собой, да еще делать компаньонкой.

– Ростовщик. Тот, кому задолжал отец.

Ошибки нет, Рудольф дважды перечитал ответ на свое письмо. Его написала супруга господина Иварсы. По ее словам, три недели назад он отправился навестить родственников и не вернулся. Судя по дате, требование уплаты долга было отправлено незадолго до отъезда.

– Она ждет от тебя ребенка?

Евгения думала о своем, мигом позабыла о долговой расписке.

– Кто? – не уловил связи Рудольф.

– Ну девица твоя, в свадебном платье.

Евгения, кружась, прошлась вдоль стола. Бросила взгляд на свое отражение в кофейнике, состроила ему забавную рожицу.

Эх, сейчас бы на каток!.. Весело щебетать с молодыми людьми, выписывать восьмерки на льду, а после согреваться пряным вином. Интересно, кронпринц катается на коньках? Наверняка катается. Она могла бы подстеречь его, невзначай поскользнуться… Но противный брат против их совместного счастья.

– Нет. И хватит молоть глупости, Эжени, дело серьезное! Неужели ты не понимаешь?

Рудольф барабанил пальцами по столу.

Поддельная подпись, настоящая печать, пропавший ростовщик… Он действительно иностранец, из Кромхейма. Возможно, именно господин Иварса приходил к его матери пару лет

тому назад. В голову упрямо лезло ее странное поведение после похорон мужа. Вдобавок тот запах в спальне… Но обвинить мать – это слишком! К тому же у него нет доказательств. Да, печать, да возможное знакомство, но родня Рамона Иварсы проживала на востоке, тогда как матушка, это Рудольфу доподлинно известно, не покидала Зюдхофа на юге. И все же он с ней поговорит, жестко, бескомпромиссно, чтобы развеять любые сомнения.

– Простите, ваше сиятельство. – В дверях столовой вновь появился дворецкий. – К вам барон фон Эрде, просит принять его.

– Нет! – Рудольф отмахнулся от протянутой визитной карточки. – Скажи, что я занят. И впредь, пожалуйста, сделай так, чтобы для параэра меня никогда не было дома.

– Как прикажете, ваше сиятельство.

Дворецкий поклонился и невозмутимо скрылся из виду.

– Ну, рассказывай! Он же лучший друг отца!

Евгения пританцовывала на месте. Если бы могла, она прожгла взглядом дыру во лбу брата.

– Барон поступил крайне неосмотрительно, остального тебе знать не следует. Вот что, Эжени…

Однако договорить Рудольф не успел. За дверьми послышалась возня, крики: «Прочь, ледяное отребье!», и в столовую ворвался Гидемин. Спиры-лакеи отчаянно цеплялись за полы его сюртука, но барон выиграл неравную схватку, захлопнул дверь перед самым их носом. Для надежности подпер ее спиной.

– Нам нужно поговорить, Рудольф! Полагаю, – взгляд Гидемина остановился на навострившей уши Евгении, – наедине. Ты должен выслушать меня!

Выглядел барон откровенно неважно: раскрасневшийся, помятый, со съехавшим набок шейным платком. Довершали образ солидные круги под глазами.

– Боюсь, все слова уже сказаны, – жестко возразил Рудольф. – Я не желаю вас видеть. Эжени, пойдем!

Он поднялся, увлек сестру к двери курительной комнаты, но Гидемин не собирался отступать.

– Я хочу извиниться, и за себя, и за супругу, и за свою дочь. Лотта строго наказана.

Рудольф остановился, однако не повернул головы. Посчитав это добрым знаком, Гидемин продолжил:

– Это козни Амалии, она подстроила все без моего ведома. Тогда, каюсь, я действительно подумал, будто ты…

Вспомнив, что в комнате незамужняя девушка, он закашлялся и ограничился туманным:

– Заинтересовался достоинствами Лотты. Амалия уверяла, будто между вами пробежала искра и… Словом, меня не расстроило подобное развитие событий, пусть несколько бурное и поспешное. Но потом… Потом Хозяйка луны раскрыла мне глаза!

– И как же вы поступили с несчастной Лоттой?

– Отправил думать о своем поведении в деревню. Свежий воздух и отсутствие соблазнов пойдут ей на пользу.

– Супругу вы тоже куда-то сослали подумать?

Вытолкав упиравшуюся сестру в курительную, он запер дверь изнутри и наконец повернулся к гостю лицом.

– Я поговорил с ней, серьезно поговорил. Если угодно, Амалия отправится на воды.

– Угодно? – поднял брови Рудольф. – Мне?

Гидемин промолчал.

– Хорошо, я принимаю ваши извинения, – неохотно, только чтобы Гидемин от него отвязался, согласился Рудольф. – Во имя памяти отца не желаю ссориться с его лучшим другом.

Лицо барона мгновенно просветлело. Гидемин поправил шейный платок и робко предложил:

– Тогда, возможно, в честь примирения ты согласишься отобедать у нас сегодня? Вместе с сестрой. Из дочерей будет только Франческа. Она совсем другого склада, чем Лотта, пошла в меня, проблем с ней не возникнет.

– Боюсь, я не сумею осчастливить вашу дочь. Напрасно стараетесь!

– Но отчего же, позволь узнать? – насупился Гидемин. – Ее происхождение безупречно, возраст подходящий, воспитание тоже. Вдобавок Фердинанд одобрил бы этот брак. Тебе все равно придется жениться до отъезда в Иландрию, почему не на Франческе?

Вот лис! Рудольф предполагал, что мышиная возня со сватовством связана с его назначением, теперь получил этому подтверждение.

– Потому что я уже связан словом, – не моргнув, соврал он.

– И кто же она?

– О, не беспокойтесь, я скоро представлю ее свету. Изумительная красавица, умница, родственница королей…

Оставалось только надеяться, Тесса справится с навязанной ролью. Ей придется нелегко: вся столица замрет в ожидании малейшей ошибки с ее стороны. Но ничего, на этот случай у Рудольфа заготовлена легенда о сиротке из общины Сестер луны. Такой милостиво простят некоторые странности. Он наймет Тессе учителей, а после они и вовсе покинут Аверден. Рудольф не сомневался, девушка ему не откажет. Не в ее положении. Тесса сбежала из храма, нервничала, опасалась кого-то, вряд ли она захочет вернуться на улицу.

– В таком случае, мои поздравления!

Раздосадованный Гидемин поспешил откланяться. Рудольф не сомневался, на обед его больше не позовут, да и Евгении придется забыть об обществе Франчески, теперь по настоянию ее отца.

* * *

Тесса сидела на постели и расчесывала волосы, когда в дверь деликатно постучали. Решив, что это кто-то из ледяных слуг, которыми полнился дом, она опрометчиво разрешила:

– Войдите!

На пороге стоял Рудольф собственной персоной.

Ойкнув, Тесса поспешила натянуть одеяло до подбородка: на ней была только длинная ночная рубашка. Ее вчера, ворча, выдала домоправительница. И посмотрела так… Словом, дала понять, Тессе здесь не место, долго она здесь не задержится.

Подумать только, уже девять утра, а Тесса еще в постели! Но на мягкой постели так сладко спать, она впервые за всю жизнь не подскочила с петухами. К тому же здесь нет ни отчима, ни его злобной матушки, никто не погонит таскать дрова, мыть полы, готовить завтрак. Теперь у нее появились слуги. Они заботливо приготовили воду для умывания и принесли ей завтрак в постель. После остатков вчерашней чечевичной похлебки и кофе из цикория воздушные булочки, мед и джем казались деликатесами. Тесса съела все до последней крошки, щедро налила себе молока из сливочника и даже ложку облизала.

– Простите, я напугал вас.

Рудольф проверил, не подслушивает ли их кто, прошел вглубь комнаты и пододвинул стул к кровати.

Беспокойство Тессы лишь возросло. Она заерзала, гадая, стоит ли перехватить гребень иначе, чтобы использовать как оружие. Пока решила повременить, послушать, что скажет Рудольф. Вряд ли он наведался в ее комнату, чтобы изнасиловать: время неподходящее. Да и вид слишком серьезный, ни тебе блуждающей похотливой улыбки, ни расстегнутой рубашки.

– Надеюсь, вы хорошо устроились? – Рудольф начал издалека.

– Благодарю, палаэр, более чем.

– Вам скоро доставят одежду, вы сможете выйти, если пожелаете. Врач прибудет к одиннадцати.

– О, не стоило тревожиться, нога сама прекрасно заживет!

Здешний врач наверняка берет слишком дорого, она не собиралась начинать новую жизнь с долгов. К тому же Тесса проверила, перелома нет, достаточно компресса и тугой повязки. С этим она прекрасно справилась без посторонней помощи.

– И все же я настаиваю.

Тесса кивнула. Лучше не перечить.

В комнате повисло неловкое молчание. Рудольф пристально смотрел на нее, а Тесса – в стену. Уши ее раскраснелись, щеки тоже залились румянцем. Требовалось срочно что-то сказать, и она невпопад спросила:

– А они действительно изо льда?

– Кто? – часто заморгал Рудольф.

Он мысленно прикидывал, как Тесса смотрелась бы на дипломатическом приеме, а тут нелепый вопрос!

– Слуги. Они похожи на мертвецов.

При воспоминании о прикосновении горничной по ее телу пробежала дрожь. Не разобравшись сначала, она закричала, позвала на помощь. Пришлось спире объяснить, что она вовсе не демон.

– Не замечал. Возможно. И да, изо льда.

Забарабанив пальцами по коленям, Рудольф наконец сказал то, ради чего пришел:

– Будьте моей женой!

Из горла Тессы вырвался нечленораздельный булькающий звук. И без того большие зеленые глаза стали огромными.

– Я не сумасшедший и не воспылал к вам внезапной страстью, – опередил ее вопросы Рудольф. – Собственно, я изначально планировал на вас жениться, но счел неудобным подниматься этот вопрос на улице, ночью, поэтому изначально предложил должность компаньонки.

– То есть компаньонка вашей сестре не нужна?

Кто бы сомневался! Слишком удачное и нелепое стечение обстоятельств для девушки ее положения.

– Нет, – развел руками Рудольф. – Любовница тоже, уверен, вы спросите и об этом.

– Но какой во мне толк? – недоумевала Тесса. – С вашим положением, палаэр… К тому же вы меня совсем не знаете.

– Как и вы меня – идеальное условие для фиктивного брака.

– Вот оно что…

Тесса задумчиво провела пальцем по нижней губе. Рудольф проследил за ее движением. Красивые губы. В меру пухлые, изогнутые, только искусанные. Интересно, какие они на вкус? На свадебной церемонии узнает – несмотря на намерение избегать супружеских отношений, Рудольф не собирался отказываться от традиционного поцелуя.

– Вам придется выучиться манерам и другим премудростям, чтобы соответствовать статусу. И забыть о своей прежней жизни. Я придумаю вам новую фамилию, новую семью. Если вы не готовы отказаться от прежней…

– Я сирота, палаэр, мне не от чего отказываться, поэтому я склонна принять ваше в крайней степени странное положение. Сколько вы мне заплатите?

Рудольф коротко рассмеялся. А он боялся!

– Вы точно женщина, а не торговец? Рассуждаете как заправский делец!

– Мой отчим был торговцем, – неохотно раскрыла Тесса часть своей подлинной биографии. – Научилась от него. Я не сентиментальна, палаэр, это удел аристократок, мы же думаем о хлебе насущном.

– И все же вы дорожите честью.

– Одно другому не мешает. Или вы полагаете, будто бедные напрочь лишены благородства, готовы продать что угодно за кружку эля?

Тесса не заметила, как ее голос опасно повысился, обрел обличающие нотки. Повезло, что Рудольф не принял отповедь на свой счет, впредь следует быть осторожнее.

– Я заплачу по дукату за каждый прожитый в браке месяц. Все траты за мой счет: платья, учителя и тому подобное.

Однако Тесса вздумала торговаться:

– Два дуката. Это не обременит ваше сиятельство.

Рудольф хотел возразить, но раздумал:

– По рукам!

И действительно протянул ей руку. Тесса несмело пожала ее и, набравшись храбрости, попросила отвернуться: она хотела набросить халат.

– Нет. Встаньте посреди комнаты. Руки вдоль туловища. Мы только что заключили сделку, и я хочу при дневном свете рассмотреть, что мне досталось.

Будь на месте Рудольфа простолюдин, Тесса влепила бы ему звонкую пощечину, но пришлось наступить на горло своей гордости.

– Хорошо, если палаэр любит живых кукол…

Она нарочито спокойно откинула одеяло, стараясь не тревожить больную ногу, встала напротив Рудольфа.

– Так? Или еще дальше?

– Еще на пару шагов, пожалуйста.

Тесса подчинилась и замерла, уперев руки в бока – маленькое, но неповиновение.

– Хм!..

По мнению Рудольфа, сделала она это совершенно напрасно: ткань сорочки тесно облепила грудь. И все же он предпочел бы, чтобы ткань была тоньше, а сама рубашка – короче, в идеале – только-только прикрывала ягодицы.

– Хм! – еще раз повторил Рудольф, медленно скользя взглядом по телу Тессы.

С отсутствием физической близости он поторопился, не уложить в постель подобное произведение искусства – преступление. Шелковистый водопад волос до поясницы. Тонкая изящная шея, аристократические черты лица. Пышная грудь, соблазнительно вздымавшаяся от стыда. Тонкие запястья, он не сомневался, щиколотки тоже можно обхватить одной рукой. Как такая девушка могла родиться простолюдинкой!

– Благодарю.

Рудольф встал, повернулся к Тессе спиной, позволив ей набросить халат. Заодно, чтобы скрыть собственное возбуждение. Нужно успокоиться, вернуть кровь к голове.

– Подобные смотрины – необходимость, фиктивная графиня фон Алексаи обязана быть безупречной.

– Увы, я всего лишь смертная женщина, вдобавок напрочь лишена магии льда, и по определению не могу быть безупречной.

Тесса крепко затянула пояс халата. Щеки все еще пылали: не столько от стыда, сколько и от возмущения. Он изучал ее, словно барышник на ярмарке!

«Аристократкам повезло еще меньше, – напомнила себе Тесса. – В них видят племенных кобыл, а в тебе хотя бы статуэтку на камине».

Она могла бы отказаться, но не станет, поживет немного в тепле, роскоши. Станет вдоволь есть и спать, носить красивые платья. А еще получит возможность бесплатно учиться.

Знал бы Рудольф, что именно этот пункт договора в конечном итоге склонил чашу весов в его пользу. Тесса прекрасно понимала, что наличие замка не делало ее леди. Она планировала соответствовать полученному наследству, не осрамить род Эско. Может, родные когда-то и отказались от нее и матери, но Тесса их простила.

– И все же вы очень красивы. Гораздо красивее большинства палаэри, которых мне приходилось встречать.

«Дочерей Гидемина уж точно!»

Рудольф представил Тессу рядом с Франческой и Лоттой. На последних никто бы не взглянул, пройди мимо красноволосая фея!

Однако существовало одно веское «но» – он по-прежнему почти ничего не знал о Тессе. Сбежавшая невеста – как романтично, но ведь она с тем же успехом могла оказаться опасной преступницей или аферисткой.

– Я могу повернуться? – вежливо спросил Рудольф, будто пару минут назад не предложил ей выставить себя напоказ.

Дождавшись утвердительного ответа, он приступил к допросу:

– Ваше полное имя? Происхождение? Почему на вас было свадебное платье? От кого вы бежали? Советую отвечать максимально честно, иначе мне придется взять в Иландрию другую фиктивную супругу.

– В Иландрию?

Сердце Тессы сладостно забилось. В Иландрии отчим ее точно не найдет. Ради этого она потерпит причуды Рудольфа, все лучше, чем ложиться с Матеушем в одну постель, рожать ему детей.

– Меня назначают послом в эту страну. Итак?

Тесса глубоко вздохнула. Пальцы теребили кончик пояса халата. Сказать или не сказать?

«Твое тело разобьют на кусочки, если признаешься!» – напомнил внутренний голос.

Но и молчать тоже нельзя, Рудольф и так хмурился. И она решилась, не вдаваясь в подробности, поведала свою скорбную повесть: о внебрачной беременности матери, о ее скитании, гибели отца, обретении отчима, его намерении жениться на ней. Не сказала лишь о наследстве и своей родине – граф навел бы справки, выяснил, она огненная ведьма.

Тесса умолкла. Впечатленный ее повестью Рудольф молчал. Потом встрепенулся и произнес всего одно слово:

– Мерзавец!

У Тессы отлегло от сердца. Он не вернет ее Матеушу. А раз так…

– Что мне нужно делать, палаэр? – деловито поинтересовалась она. – И чего делать, наоборот, не нужно?

– Да что хотите! Пока запретов нет, разве только не распространяйтесь о своей прошлой жизни, лучше и вовсе таинственно молчите, вздыхайте. Проводите побольше времени с Евгенией, моей сестрой, перенимайте ее манеру разговора, жесты, походку. Читайте вслух, тренируйте дикцию. В самое ближайшее время я найму вам учителей, придумаю легенду. Выучите ее поступайте сообразно роли.

«Остается надеяться, что она окажется хорошей ученицей, – уходя, подумал Рудольф, – иначе меня поднимут на смех».

Но что-то подсказывало, с Тессой он не прогадал. Лишь бы и с Евгенией все прошло гладко!

Глава 8

– Ты… ты с ума сошел!?

Евгения задыхалась от переполнявших ее эмоций. На ставших белее снега щеках расцвели алые пятна. Вцепившись пальцами в каминную полку, словно ноги ее не держали, она буравила взглядом брата. Тот, на первый взгляд, расслабленно устроился в кресле, заложив ногу за ногу. Пальцы опущенной руки сжимали бокал с шерри. Но скромно стоявшую возле двери Тессу было не провести. Она слишком хорошо видела, как напряжены его мышцы, создавая лишь иллюзию благостной неподвижности.

– Ты серьезно, Ральф?

Выпустив пар, Евгения в изнеможении рухнула на софу и обмахнулась книгой, словно веером.

«А ведь она за тобой следит, пристально следит, пусть и не показывает вида», – подумалось Тессе.

– Что именно? – сдерживая недовольство, уточнил Рудольф.

– Твой брак с ней!

Евгения брезгливо ткнула пальцем в Тессу.

– Это неприлично, – сорвалось с губ замечание.

Тесса прикрыла рот ладонью, но поздно, Евгения уже обернулась к ней. Рот ее некрасиво скривился. В глазах… Тесса отогнала морок. Ей привиделось, неоткуда было взяться в глазах палаэри черному пламени. И все же с Евгенией что-то не так, не до конца пробудившееся ведьминское чутье советовало остерегаться внешне безобидной девушки. Эх, вот бы поставить ее в полнолунье в полночь перед зеркалом! Ночное светило отразило бы истинную сущность в виде тени.

В свое время мама вместо сказок рассказывала маленькой Тессе разные вещи. Они казались ей фантастическими, выдумками, вроде Зубной феи, но теперь, по прошествии времени, Тесса поняла, что посредством тех историй Карен передавала ей свои знания. Яркие, красочные, они врезались в память, всплыли через столько лет.

– Неприлично показывать на людей пальцем.

Шелестя юбкой нового платья, скромного по меркам аристократов и шикарного для падчерицы трактирщика, Тесса прошла ко второму свободному креслу и, чуть помедлив, заняла его.

– Нет, какова нахалка – учит меня, палаэри, манерам! Замарашка!

Под кожей Рудольфа проступили желваки. Приподнявшись, он потребовал:

– Эжени, извинись немедленно!

– И не подумаю. Она бродяжка, которую ты подобрал на улице, а я…

– А ты с легкостью лишишься трона Иландрии, если продолжишь в том же духе. Я не повезу на смотрины дурно воспитанную девицу. Куда подевались твои манеры?

Евгения обиженно надулась и нарочито отвернулась. Даже со своего места Рудольф слышал ее недовольное сопение. Ничего, смирится. Странно, конечно, что она равнодушно восприняла весть о собственной помолвке, совсем не похоже на Евгению! Прежняя бы метала громы и молнии, разбила парочку ваз, а эта…

И ни одного упоминания имени кронпринца за все дни в столице. Рудольфа не покидало дурное предчувствие. Не могла сестра так быстро излечиться!

– Учти, я обо всем сообщила матушке! – все так же глядя в стену, пригрозила Евгения.

Рудольф рассмеялся:

– Боюсь, ты забыла, что отныне я глава семьи, и даже матушка обязана мне во всем подчиняться.

Евгения прикусила губу и крепко задумалась.

– Хорошо, женись, только я тебя предупреждала! – наконец выдала она.

Рудольф снисходительно улыбнулся: сестренка пыталась играть в умудренную летами советчицу.

– И за прыщавого дохлятика я тоже не выйду.

А вот и долгожданная реакция на собственную помолвку. Сейчас начнется!

– Может, лучше оставить вас наедине, отложить знакомство до тех пор, пока ваша сестра успокоится? – предложила Тесса. – Вижу, она не в настроении.

Ее официально представили будущей невестке, а остальное – дела семейные. Вдобавок она фальшивая невеста, вряд ли Рудольф захочет посвящать ее в свою жизнь.

– Нет, – неожиданно возразил он, – вы останетесь и объясните моей сестре значения понятия «долг».

Тесса сцепила пальцы на коленях и затравленно посмотрела на жениха. Он ведь пошутил?

– Ну же!

Тесса сделала глубокий вздох. Ясно, в грядущем фиктивном браке ей придется отработать каждый арий. Взгляды брата и сестры сосредоточились на ней. Кожа горела, в горле пересохло, но Тесса заставила себя открыть рот. Она с честью выдержит испытание, получит долгожданную свободу и достаток.

– К сожалению, я не знаю принца, о котором идет речь, поэтому мне сложно судить о его достоинствах и недостатках. Впрочем, не сомневаюсь, он прекрасный человек. Ваш брат упоминал долг… Увы, женщины часто не властны над своей судьбой, их выдают замуж, чтобы укрепить родственные связи. Вам достался мальчик, подросток. Подумайте, разве лучше было бы выйти замуж за старика? Каждый день целовать его морщинистую кожу, ложиться с ним в постель…

Тесса говорила и представляла Матеуша. Она не лукавила, не желала Евгении такой судьбы, которая едва не досталась ей. Похоронить молодость в браке со старостью!..

А ведь Евгения слушает, повернула голову и больше не кривит губы. Эх, мужчины, вам бы женскую хитрость! А вы все – долг, долг…

– Она не простолюдинка, Ральф. Где ты ее откопал?

В глазах Евгении зажегся интерес.

– Вы совершенно правы, – подтвердила Тесса, строго следуя придуманной женихом легенде. – Мой род так же знатен, как и ваш.

– Тогда почему?.. Что вы делали на улице в столь поздний час?

Рудольф довольно улыбнулся. Сестренка притихла, заинтересовалась новой «игрушкой». Глядишь, в Иландрии в вихре балов окончательно забудет об упрямстве, а титул жены наследника престола и вовсе поставит жирную точку в нелепой влюбленности в кронпринца Мануила.

– Один мерзавец выкрал меня из общины Сестер луны, куда много лет назад, спасая от неминуемой гибели, поместили меня родители. Тот человек жаждал завладеть моими землями и фамилией, если бы не палаэр Рудольф, – Тесса послала спасителю полный искренней благодарности взгляд, – случилось бы непоправимое.

– И кто же вы на самом деле? Почему сразу не признались, что вы из благородного рода? Я тут столько гадостей вам наговорила…

Евгения смущенно накручивала на палец прядку белоснежных волос и не сводила с Тессы взволнованных глаз. Подумать только, опасность, злодей, побег со свадьбы – сюжет как в романе!

– Я вас прощаю, – окончательно вжившись в роль благородной дамы, чуть свысока обронила Тесса. – На вашем месте я поступила бы так же. Что касается вашего вопроса… Видите

ли, у меня имелись основания не доверять вам и вашему брату. Вдруг он тоже оказался бы охотником за приданым?

– Поэтому вы так быстро согласились выйти за него замуж?

Вот ехидна! Но Тесса выкрутилась:

– Иногда пятиминутного разговора хватает для того, чтобы распознать благородного человека.

– Однако вы его не любите, – не унималась Евгения.

– Зато я прекрасно знаю значение слова «долг».

Тесса украдкой взглянула на Рудольфа. Тот кивнул – она все делала правильно.

– И я, и вы обязаны узами брака упрочить положение семьи. Граф фон Алексаи сделал мне предложение, и я его приняла.

Тесса послала ему вымученную улыбку. Подхватив игру мнимой невесты, Рудольф мимолетно коснулся ее руки.

– Семья Тессы древняя и знатная, но, увы, она последняя в роду. Вдобавок ее наследство не в деньгах, а в происхождении. Похитивший ее мерзавец собирался затребовать княжескую корону.

– Так она княжна! – ахнула Евгения.

Попалась! Оставалось надеяться, что и остальные поверят в сказочку о чужеземной сиротке. Уж Рудольф постарается, расцветит ее яркими красками, недаром он столько лет провел вдали от родины. Рядовым исвердам мало известно о восточных странах. Власть в них постоянно переходила от рода к роду, множа число изгнанных претендентов на трон. Одной из таких изгнанниц Рудольф сделал Тессу.

– Совершенно верно, – важно кивнул он и поднес бокал к губам.

Рудольф налил себе шерри полчаса назад, но первый глоток сделал только сейчас.

– Я из Гардарии.

Сердце Тессы бешено колотилось. Вдруг Евгения раскусит ложь? Сама Тесса о Гардарии даже не слышала, Рудольф вполне мог ее выдумал. А если нет? Ей начнут задавать вопросы… «Ты обязана выкрутиться», – напомнила она себе.

– Гардария…

Евгения наморщила лоб.

– Не трудись, – подал голос Рудольф, – это небольшое княжество на северо-востоке. Некогда им управлял дед Тесвильды…

– Так она не Тесса, а Тесвильда?

– Да, Тесвильда Ашенброк, княжна Гардарийская.

– Для друзей – просто Тесса. Вы ведь станете моей подругой, Евгения? – взмахнув ресницами, проворковала Тесса.

Подумать только, она смогла! Откуда только актерские умения взялись!

– Конечно!

Разве она могла ответить иное под суровым взглядом брата!

У Евгении сводило зубы от улыбки. Разумеется, дружить с выскочкой-княжной она не собиралась. Сидела бы и дальше в своей Гардарии! Может, и не было никакого похищения, брат специально ее привез, чтобы приставить шпионить.

– Ну, раз мы теперь подружки, скажите, сколько вам лет? У девочек нет секретов друг от друга.

Гадюка позавидовала бы яду, сочившемуся сквозь медоточивую речь Евгении. Тесса разгадала сквозивший в вопросе намек, но лгать не собиралась:

– Девятнадцать.

– О, да вы младше меня! Ральф, – она живо обернулась к брату, – похоже, в нашей семье родилась новая традиция. У тебя будет маленькая жена, у меня – муж.

Рудольф стиснул стакан, но промолчал. Пусть Тесса учится отражать удары.

– Чем вы красите волосы? – войдя в раж, не унималась Евгения. – Вы как огненная ведьма! Это модно в Гардарии?

– Огненная ведьма? А кто это?

Тессе стоило большого труда сохранить лицо.

Лай, волосы, она совсем о них забыла! Ничего, немного пудры и хны исправят ситуацию, рыжеволосых женщин не боятся.

– Эжени! – шикнул на сестру Рудольф. – Сегодня ты превзошла саму себя, мелешь всякий вздор. Какая из палаэри огненная ведьма, их давно истребили.

– Это всего лишь шутка, братец. Если бы палаэри Тесса оказалась огненной ведьмой, наши спиры превратились бы в лужицу воды.

– Крайне неудачная шутка, Эжени. Хотя, не спорю, меня тоже удивил необычный цвет волос палаэри.

– О, – поспешила замять щекотливую тему Тесса, – ваша сестра права, от природы мой цвет волос несколько другой. Сестры научили меня разным премудростям, например, смешивать краски. Я жутко скучала в общине, каждый день одно и то же. Вот покрасила волосы. Как они ругались! От природы же я рыжая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.